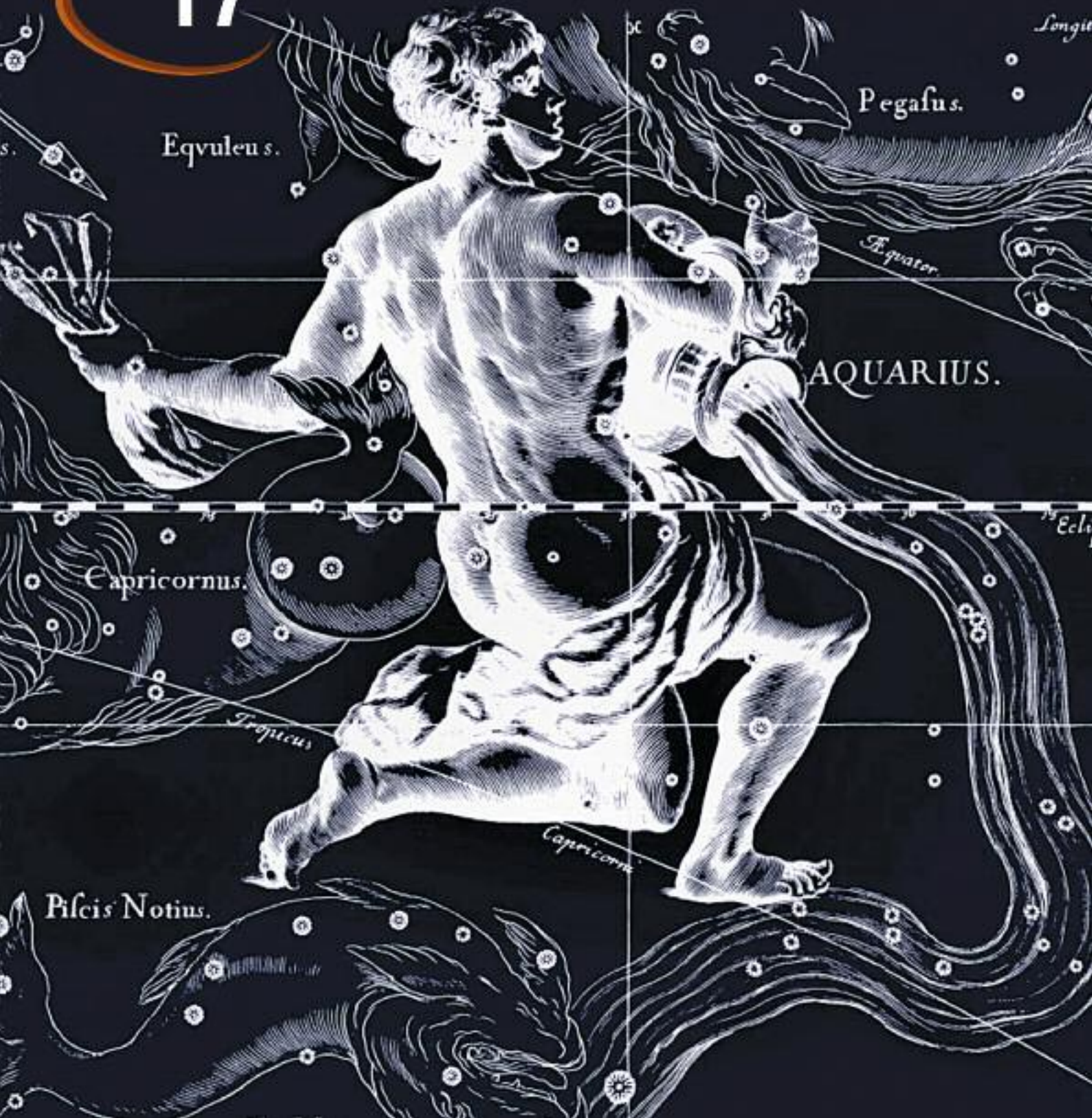
www.devec.ru

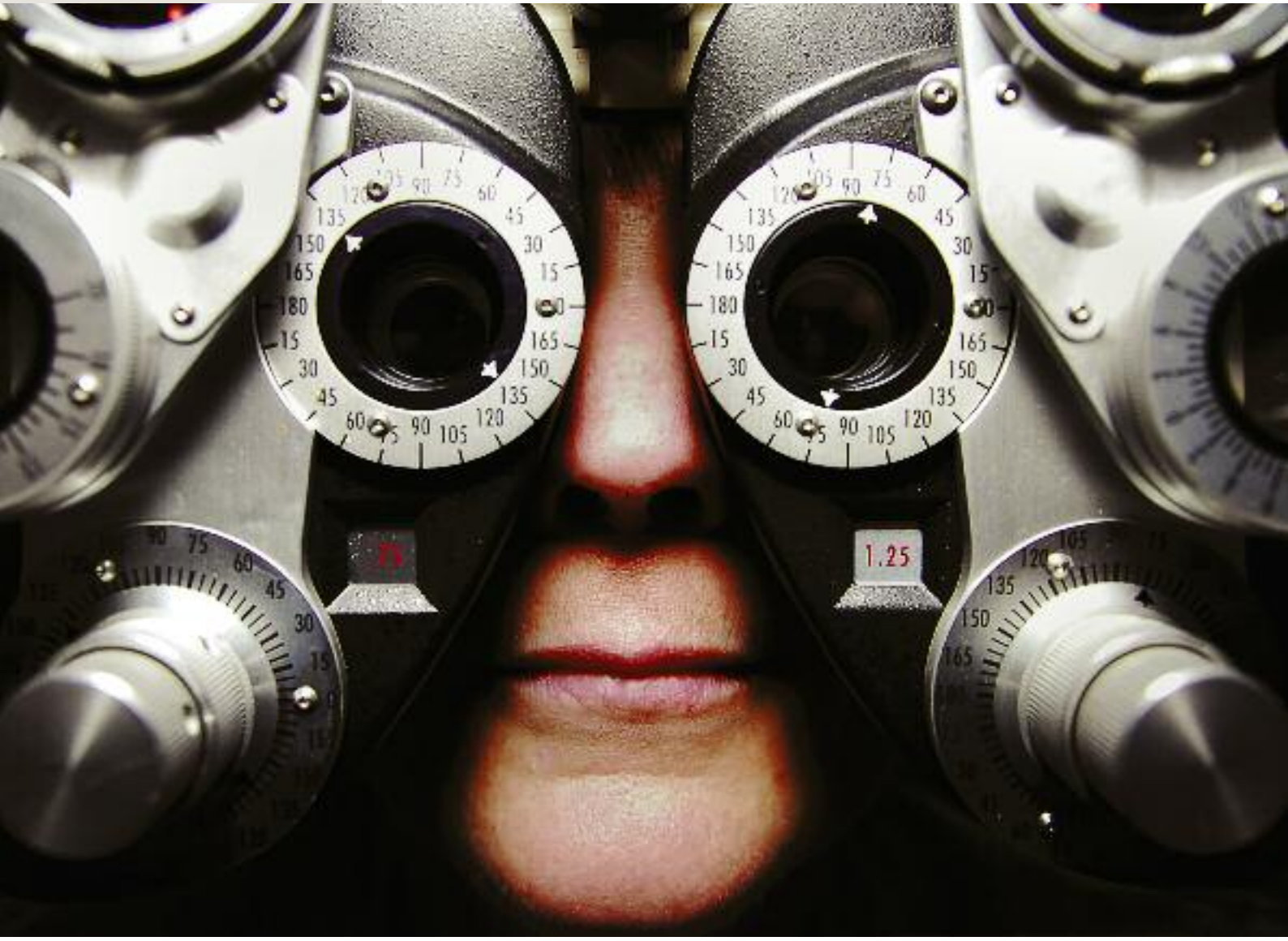
Развитие и экономика

сентябрь 2017

17



РАЗВИТИЕ
электронный журнал



Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте **www.devec.ru** и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу **info@devec.ru** с указанием своей электронной почты.

СОДЕРЖАНИЕ

сентябрь 2017 | №17

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

3 С.Н. Белкин
Мировоззрение как влиятельный фантом

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И РАЗВИТИЕ

6 М.П. Остроменский
Изгнание «духа горя»

22 В.С. Левицкий
Когда мы свободны, или Можно ли отличить культурную энтелехию от движения в «релятивистской струе»

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Главный редактор: **Сергей Белкин**

Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**

Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**

Арт-директор: **Олег Фирсов**

Ответственный секретарь: **Елена Колесникова**

Адрес:
105077, Москва, Средняя Первомайская ул., дом 4, оф.17.
Тел.: +7 (968) 581-10-98
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет:
25 сентября 2017

Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции. При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

26 В.М. Немчинов
Коммуникация и информация – антропологическая диалектика началаXXI века

36 С.Н. Белкин
Не уклони сердце мое

УПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

46 Экспертная сессия клуба «Цивилизационная динамика» «Русский менеджмент»
18 октября 2017 года

90 С.Н. Белкин
93 В.Э. Багдасарян
101 Ю.М. Осипов
102 М.Л. Хазин
104 В.Е. Лепский

Сергей
БЕЛКИН

МИРОВОЗЗРЕНИЕ как влиятельный фантом

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха «Развитие и экономика»

Можете ли вы ответить на вопрос: каково ваше мировоззрение? Подумайте и постарайтесь отметить, за какие признаки и ярлыки начнет цепляться ваш ум в поисках ответа. Возможно, вы ответите – я христианин, а, быть может, – я демократ. Или вам покажется уместным ответить, что вы – оптимист и экстраверт. Кто-то ответит: я – современный человек широких взглядов. Не исключено, что кому-то важнейшими признаками своего мировоззрения захочется считать доминирование эгоизма или альтруизма…

Мировоззрение – весьма сложный продукт, складывающийся на протяжении жизни человека. Независимо от того, можете ли вы описать собственное мировоззрение или нет, оно у вас имеется. Оно имеется у каждого человека.

Почему же я тогда в заглавии пишу о том, что мировоззрение – мираж, фантом, нечто неопределенное? По трем причинам. Первая: не так-то просто дать исчерпывающее описание мировоззрения личности. Как потому, что параметров и признаков, о которых надо сказать, весьма много, причем установить их иерархию – какой из признаков главный – порой невозможно, так и потому, что взгляды людей изменяются. Бывает, что изменения эти происходят мгновенно, под влиянием внезапных факторов. Вторая причина: мировоззрение социума, общества – вот подлинно неуловимый фантом! Ибо общество мировоззренчески неоднородно, оно соткано из личностей, обладающих хотя и не слишком точно определенными, но, тем не менее, ясно различимыми мировоззрениями. Третья причина состоит в том, что мировоззрение является чрезвычайно важным фактором – базисом, определяющим целенаправленный и осознанный характер деятельности людей. И фактор этот формируется произвольным образом, как бы сам по себе. О нем не думают и не заботятся, его не учитывают и не измеряют.

В результате мы оказались в опасной ситуации: не думая о мировоззрении, мы не понимаем – из чего и как оно складывается. Общаясь друг с другом, мы более или менее точно фиксируем вторичные по отношению к мировоззрению признаки и свойства. Такие, например, как идеологические, политические, религиозные предпочтения, вкусовые пристрастия и многое другое.

Моя небольшая заметка имеет одну цель: обратить внимание на необходимость понимания, из чего и как формируются различ- ➔

ные мировоззрения. То есть я не призываю к формированию какого-то одного – «единственно верного» – мировоззрения. Я призываю видеть в каждом из нас и в себе самом те фундаментальные блоки и кирпичики, из которых складывается взгляд на мир, видеть – что и как в нашей картине мира изменяется и что в ней остается неизменным, уметь соотносить мировоззренческие принципы с целями и способами их достижения.

Размышляя о каком-то понятии, мы чаще всего заглядываем в словари, чтобы узнать – что в них написано по этому поводу. О мировоззрении написано немало, и это стоит почитать каждому. При этом надо не отождествлять ваше живое, изменяющееся, во многом неопределенное мировоззрение со словарной статьей, в которой дано строгое определение – типа такого: «Мировоззрение – система взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нем человека, общее отношение человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации». Всё, в общем-то, верно. Только у нас с вами «системы взглядов» скорее всего нет. Некий конгломерат самых разных «представлений» имеется, но в «систему» мы его особо-то и не приводили. Вот в советские времена существовало всеохватное приведение в систему именно мировоззренческого базиса. Начиная со средней школы и далее по всем ступеням образования, воспитания, по всем каналам политучебы внедрялось так называемое материалистическое мировоззрение, опиравшееся на учебные курсы диалектического и исторического материализма, политическую экономию, обществоведение, научный коммунизм и т. д. Считаю, что это было не только целесообразно (в связи с реализацией проекта строительства социализма и коммунизма), но и полезно с точки зрения развития: глубокое и всестороннее знакомство с системным знанием приносит незаменимую пользу, даже если те или иные мировоззренческие принципы или (чаще всего) – обусловленные ими взгляды – обучающимся индивидом не принимаются. Постижение того, как устроено некое системное знание, остается в виде навыка построения системных знаний как таковых.

Наше мировоззрение редко напоминает уже написанный и отпечатанный перечень взглядов и принципов. Человек находится в пространстве постоянно чередующихся обстоятельств, жизненных проблем, переживает изменения самого себя, пребывает в потоке непрерывно меняющихся отношений с людьми, обществом и природой.

Гравюра Фламмариона

Мировоззрение складывается из способов познания и картины мира, системы ценностей и этической системы, верований, идеологических установок и симпатий, социального статуса и имущественного положения, состояния здоровья и отношений с близкими, жизненных целей, фантазий и мечты, из неудач, разочарований, достижений, успеха и многого другого.

Поэтому, говоря о мировоззрении живого человека, не стоит подразумевать именно «систему взглядов» – надлежит иметь в виду состояние взглядов, подчеркивая тем самым изменчивый характер мировоззрения, возможность рассматривать его как существующее в какой-то момент или промежуток времени. Тем не менее можно говорить о некоем мировоззренческом ядре, базисе,

которого человек придерживается достаточно долго, которое можно считать неизменным или очень мало меняющимся. Так, например, человек верующий, относящийся к своей вере всерьез, как правило, остается таким на протяжении многих лет или всей жизни. Устойчивыми факторами мировоззрения являются и базовые этические нормы, поведенческие модели, вкусовые пристрастия, психотипы личности.

В научной и учебной литературе принято вводить так называемые типы мировоззрений: мифологический, религиозный, научный, художественный и философский. Такое деление удобно с дидактической точки зрения, но мировоззрение подавляющего большинства людей невозможно отнести к какому-либо из этих типов. На самом деле эта типология говорит не о типах, а об источниках, о формах познания, лежащих в основе построения тех или иных аспектов мировоззрения. Реальное мировоззрение конкретного человека чаще всего складывается под воздействием всех этих форм познания. Разумеется, какая-то из них может быть доминирующей. Скажем, у большинства ученых-физиков основу составляет научное мировоззрение, они тонко и точно ощущают меру достоверности тех или иных фактов, их картина мира с неизбежностью вбирает в себя физическую картину мира. Но это не означает, что их мировоззрение и миросозерцание не вбирают в себя многие иные элементы духовной культуры.

Мировоззрение как целое состоит из следующих частей: картины мира, его описательной модели, объяснения устройства мира, его возникновения и развития, его начала и конца. Оно отвечает на вопросы «что хорошо и что плохо», «что и как следует делать», определяя этику и ценностный мир, на вопросы «что является правдой», «как отделить истинное от ложного». Наконец, мировоззрение отвечает на вопрос о самом себе – «из чего и как оно складывается».

Осознав это, мы понимаем, что именно мировоззрение является средой и средством любого общения: от обычных людей друг с другом – до управленческих систем любого уровня (от корпорации до государства). И если мы не задумываемся, не знаем, из чего и как сложилось мировоззрение тех, с кем я общаюсь, если мы воспринимаем лишь вторичные – пусть и влиятельные до одержимости – свойства личности (политическую принадлежность, вероисповедание и пр.), мы настолько сужаем свой арсенал, свои возможности диалога, поиска форматов и содержания сотрудничества, что они предстают как недостижимые. Хотя достаточно было просто понимать, из какого материала, на основе каких исходных мировоззренческих принципов сформировалась эта одержимость, чтобы увидеть и возможности взаимовыгодного сотрудничества, и пространства компромисса.

Общественный раскол, наблюдаемый сегодня во многих странах, обычно измеряют на языке политики, в пространстве идеологем и интересов. И никому пока не удалось достичь общественного согласия на основе компромиссов. Потому что копать нужно глубже – на уровне мировоззренческого базиса и процессов его формирования. Только оттуда можно увидеть пути к возможному согласию, к диалогу. И это именно то, чем стоит заниматься.

К вопросу о мировоззрении вплотную примыкают и другие важные аспекты и факторы нашей жизни. Среди них – проблема идентичности и вопросы, касающиеся традиции, консерватизма и их динамики.

Об этом – в следующих публикациях.

Михаил
ОСТРОМЕНСКИЙ

Не может быть горе вообще, абстрактное, горе вне горюющей личности

ИЗГНАНИЕ «ДУХА ГОРЯ»

Образ идет дальше, чем мысль.
Юрий Мамлеев

I

Справедливость, свобода, братство – это такие концепты, которые не имеют оснований в повседневности.
Михаил Немцев

В середине лета 2017 года г. Новосибирск посетил поэт, философ, магистр гендерных исследований (sic!) Михаил Юрьевич Немцев с лекцией «Два понятия “народа”, или Как нам жить с нашими мертвыми?» Мероприятие анонсировалось как развернутый комментарий к выступлению поэта, философа и богослова Ольги Александровны Седаковой в Миланском культурном центре под названием: «Работа горя. О живых и непогребенных. Работа памяти против работы жизни: проклятие мертвых и социум живых». В обоих выступлениях в значительной степени использовались идеи Александра Марковича Эткинда, изложенные им в книге «Кривое зеркало: память о непогребенных», – книге, активно дискутируемой и интенсивно раскручиваемой.

Михаил Петрович Остроменский – политический философ, публицист, руководитель регионального отделения межрегиональной общественной организации «Вече», член всероссийской политической партии «Партия Дела»

Наши персонажи представляют собой разные стороны одного направления мысли, часто несхожие внешне, но союзные в своих основах и целях. Основы – неприятие СССР и неприятие русских. Цель следует из основы – изжитие всех остатков советского, а значит, и русского. Почему русского? Но революция и СССР были естественными следствиями предшествовавшей истории России и русских как государствообразующего этноса. Стали ее

Никлаус Векманн. Алтарь. Около 1520 года

Памятник Ивану Грозному в Орле

Антирусская российская интеллигенция бьется над преодолением инерции масс, упрямо полагающих Иосифа Виссарионовича Сталина не палачом и кровавым изувером, но лучшим правителем России. Теперь и Ивана Васильевича Грозного начинает «народец» почитать. Лепными и самыми сытыми годами считают эпоху застоя в СССР, а никак не либеральнейшие 90-е…

значительным этапом. Ни вычеркнуть, ни забыть его невозможно. С таким же успехом можно выбросить Петра I за то, что он «угробил» пропасть народу, разорвал связь мизинных людей и элиты, сделав их чужими друг другу, упразднил патриаршество. Да в общем, и всех Романовых, поскольку начиная с Петра их политика упорно вела к 1917 году. Вот Екатерина II произвела секуляризацию монастырских земель и, по сути, завершила огосударствление церкви. С той поры последняя влачила жалкое существование, растеряв и авторитет, и влияние, и значение. Значение независимого важнейшего общественного института – вспомним противостояние митрополита Филиппа московского царю Иоанну Васильевичу. Авторитет – в обществе и у правительства: тут высочайшим примером служит святой Сергий Радонежский. Влияние – на широкие народные массы, в особенности на правящую группу и доминирующий класс, какое имели патриархи Гермоген и Никон.

Так вот, возвращаясь к началу, оба выступления – и Седаковой, и Немцева – далеки от научности или следов объективности, несмотря на регалии авторов и видимую их потребность в представлении своей точки зрения как естественной, как следуемой из простых рассуждений и традиционных взглядов на жизнь. Оба суть идеологически и политически нагруженные. Но оба и симптоматичные. Они позволяют нам порассуждать и выявить некоторые особенности психологических и идейных оснований феномена антирусской российской интеллигенции. Например, того, что вновь и вновь в этой среде всплывает известная идея о наличии в России двух народов.

Вспомним слова Григория Шалвовича Чхартишвили (Бориса Акунина): «В России живут бок о бок два отдельных, нисколько не похожих народа, и народы эти с давних пор люто враждуют между собой. <…> Есть Мы, и есть Они. <…> Друг друга представители двух наций распознают с первого взгляда и в ту же секунду испытывают приступ острой неприязни». Или вот Андрей Викторович Малыгин глаголет: «Страна действительно разделилась на две части. С одной стороны – поганые совки. По-

ставь такого в любом месте земного шара в любую толпу, сразу узнаешь: совок. Не затеряется. С другой стороны: люди с чувством собственного достоинства и со следами интеллекта на лице. Цивилизованные люди».

Причем в исследуемом нами здесь случае имеется в виду уже не просто эмоциональное горение, эмоциональное отражение, «горячая» метафора, а попытка пофилософствовать, попытка эксплицитно ввести «два понятия народа».

О многом говорит и удивительная, фантасмагорическая круговерть «интеллектуальной» и «творческой» массовки вокруг дела Кирилла Семеновича Серебренникова. Ничего подобного не было даже после ареста министра экономического развития РФ Алексей Валентиновича Улюкаева. Ну, высказались Алексей Леонидович Кудрин и Анатолий Борисович Чубайс – и всё затихло. Ни тебе петиций, ни тебе коллективных актов взятия на поруки… А здесь – бесконечные письма, массовые акции, задержания и аресты. Отчего это?

Мне могут возразить: мол, и сам ты идеологически не безгрешен, а берешься судить, раскапывать и классифицировать, становясь в позу «естествоиспытателя». На такие возражения отвечаю всегда одинаково. Да, имею свои политические предпочтения, но всё же основания моей деятельности находятся не в этом, а в моей христианской вере и в стихийной философии. Первое дает мне возможность отойти от излишней политизированности, ибо «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36), и потому нет необходимости в суете по поводу сегодняшнего политического устройства государства, поелику это никак не помогает спасению души. Христианин, конечно, участвует в политике как гражданин, но он, пользуясь «привилегией» вечной жизни, способен максимально абстрагироваться от политической злобы дня. В принципе – должен это делать. А второе основание, философствование, не позволяет останавливать свои рассуждения, сообразуясь с каким-либо заранее заданным критерием – например, политическим, – а понуждает идти вглубь до конца. По крайней мере, насколько осилят сей путь мой разум и моя воля. Вот и попробуем.

II

В духе он целовал внутренности своего живота и застывал.

Юрий Мамлеев
«Шатуны»

Итак, о духе горя, мертвецах и антирусской российской интеллигенции.

Не буду сосредотачиваться на «малых» неточностях, «незначительных» преувеличениях и обычном передергивании, характерных для практически всех политически ангажированных творений. Таковых «преувеличений» не избежала и уважаемая Ольга Александровна Седакова. Но мы остановимся лишь на одном – характерном для рассматриваемой категории лиц.

Г-жа Седакова восклицает: «…власть в результате ее (революции октября 1917 года. – *М.О.*) оказалась захвачена некоторой силой, поставившей в России жесточайший эксперимент – воспитание нового человека». Трудно понять тот эпатаж, который вызвала в душе Ольги Александровны идея «воспитания нового человека». Возможно, это будет новостью для кандидата филологических наук, почетного доктора богословия Европейского гуманитарного университета (Минск), старшего научного сотрудника Института истории и теории мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, но каждое крупное и что-то собой представляющее социальное течение ставит основной своей задачей именно «воспитание нового человека»! Да-да, Ольга Александровна, это именно так!

Увы, всегда имеющийся в наличии «человеческий материал» социализировался в эпоху «до того». Он обладает «старыми» ➡

Ольга Седакова: «И поскольку почти все согласились предать убитых забвению, в <…> участии в их поминовении есть акт покаяния. Зачитывая и слушая имена погибших, мы пытаемся искупить нашу общую вину»

идеологическими установками, порою не согласными с требуемыми для усвоения новых идей. Он неспособен «модернизироваться», ему необходимо «многим вещам научиться». Следовательно, чтобы получить широкое распространение и надежно укорениться в обществе, любому социальному течению необходимо «воспитать нового человека». Своего человека. Такова была задача христианства, которая стоит пред ним по сию пору и будет стоять до Второго Пришествия. Такую задачу поставили перед собой протестанты начиная с Лютера. Такова задача буддизма. В этом цель «закона Моисеева». Эта архиважная задача коммунистов.

Да и разве не помнит Ольга Александровна, сама человек православный, верующий, слова Спасителя: «Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые» (Мк. 2:22)? То есть необходимо сперва мехи новые создать, человека нового, а уж потом…

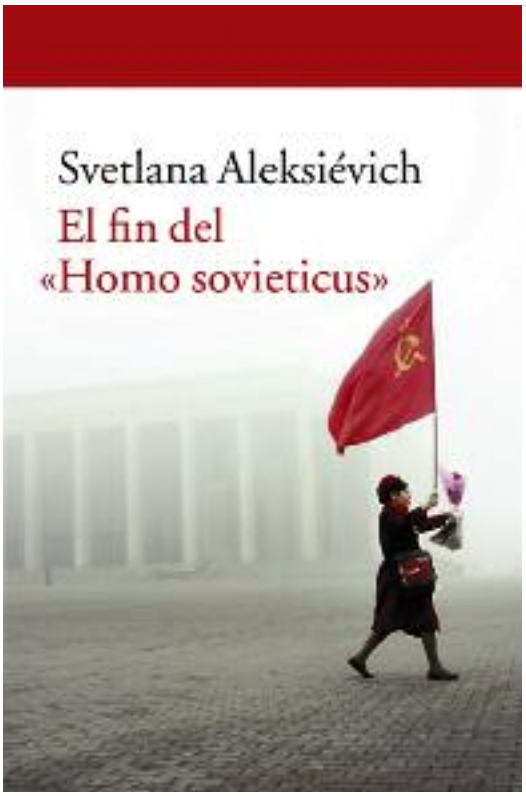
Но не сошли с сего проторенного исторического пути и г-жа Седакова со товарищи. Они по сию пору бьются, например, над преодолением инерции масс, упрямо полагающих Иосифа Виссарионовича Сталина не палачом и кровавым изувером, но лучшим правителем России. Теперь и Ивана Васильевича Грозного начинает «народец» почитать. Лепными и самыми сытыми годами считают эпоху застоя в СССР, а никак не либеральнейшие 90-е…

Что делать? Настоящее российское общество не отвечает высоким требованиям антирусской российской интеллигенции. Потому она уверена, что ему, обществу, необходимо проделать «работу горя», которая, в частности, «состоит в завершении обряда памяти, в назывании убитых (в эпоху Сталина. – *М.О.*) по именам, в воздании им долга сочувствия и почтения. В ясном различении происходящего». Так Ольга Александровна описывает акцию общества «Мемориал», называемую «Возвращение имен». Далее ее мысль развивается: «И поскольку почти все согласились предать убитых забвению, в этом участии в их поминовении есть акт покаяния. Зачитывая и слушая имена погибших, мы пытаемся искупить нашу общую вину». Следом идет речь о катарсисе, перерождении и прочем.

Иначе говоря, предлагается над большей частью граждан РФ, прибегая к образности Ольги Александровны, поставить «жесточайший эксперимент – воспитание нового человека»! Ибо материал не тот, и думает не так, и смотрит на себя и на историю страны не как положено.

Чем сей эксперимент «насилия» над обществом, особенно при полностью развернутой пресловутой программе десталинизации, кардинально отличен в рассматриваемом здесь ракурсе от эксперимента советского? Оное объективно понять не представляется возможным. Там хотели воспитать человека – строителя нового коммунистического общества, Homo soveticus, здесь желают его избыть и учредить Homo antisoveticus.

Либерально – а точнее, антирусски – мыслящие активные авторы предлагают определенную практику по изменению мировоззрения огромного числа лиц, выделенных специальным термином «русский» (если ругательно, то совок, если эстетски, то Homo soveticus).



Либерально – а точнее, антирусски – мыслящие активные авторы предлагают определенную практику по изменению мировоззрения огромного числа лиц, выделенных специальным термином «русский» (если ругательно, то совок, если эстетски, то Homo soveticus)

А коли так, то Ольга Александровна хотя и отнекивается, делает удивленные глаза, но таки предполагает «воспитание нового человека» из совка. А такая задача говорит об обязательном наличии некоторой идеологии. Без идеологии здесь никак нельзя. Ведь она, идеология, по меткому замечанию философа-неомарксиста Александра Тарасова, – «опрокинутое в практику мировоззрение». И ежели вы меняете массе мировоззрение, то должны иметь оное у себя.

Следовательно, вслед за г-жой Седковой и нам позволительно спросить уже относительно не советской, а исповедуемой ею с ее присными идеологии: чего, собственно, требовала эта идеология от человека? От чего он должен был отказаться и что приобрести, чтобы стать тем «новым человеком», которого она собиралась создать? В чем заключалась лояльность или нелояльность каждого отдельного гражданина? Кого идеология объявляла своим врагом?

Понятно, что в рамках публицистической статьи невозможно сколько-нибудь исчерпывающе ответить на все вопросы, так хорошо сформулированные Ольгой Александровной, но прояснить ряд принципиальных и очень важных моментов пропагандируемой

ею и ее единомышленниками идеологии, надеюсь, удастся.

III

«Самое главное, это – одичание», – проговорил Падов в засохшее ухо инвалида.

Юрий Мамлеев
«Шатуны»

Рассматриваемые нами выступления г-жи Седаковой и г-на Немцева, как и вообще весь пласт мыслей современной антирусской российской интеллигенции, в одном измерении есть чисто политические, даже пропагандистские творения, а в другом – истерическая попытка авторов выбраться из внутреннего страха и ужаса. Нельзя сказать – горя, ибо горе есть переживание личной невосполнимой потери. Не может быть горе вообще, абстрактное, горе вне горюющей личности. Здесь нет ни того ни другого. Здесь явно проступают страх и ужас, наведенные бессилием и невозможность жить с «душевной мутью и растерянностью», жить здесь и сейчас, в «этой» стране, с «этим» народом. Недаром большая часть «благодетелей» бегут из России. Но и там, за границей, не находят они покоя, терзаемые поселенными в их душах «бесами-шатунами». Но об этих – позже.

Центральная идея посланий, подобных выступлению г-жи Седаковой и книге Эткинда, состоит в обращении нашего внимания как на нечто ненормальное, аномальное, из ряда вон выходящее – «на попытку <…> общего “уничтожения реальности”, задуманного и практикуемого властью». Везде и всегда эти антирусские интеллигенты под властью понимают власть именно в России и почти безотносительно к историческому времени – будь то Владимир Креститель, Петр I, Сталин или Путин. Сие смешение «стилей» и времен говорит о том, что конкретные представители власти не имеют отношения к выдвигаемым претензиям. Они – лишь олицетворение, наглядный пример, символ. А вопросы обращены к русским, к системе смыслов русского народа, воспроизводимых оным уже не одну тысячу лет. Здесь же и корень их неприятия властей – поскольку те не в силах ничего сделать с русскими. Если власть из раза в раз поддается опять массе, значит, и власть плоха.

Так, например, «уничтожение реальности» в СССР происходило как «замалчивание смерти миллионов (в первую очередь, убитых в лагерях и тюрьмах “врагов народа”, но не только: по другим причинам скрывалась и смерть солдат на войне, и число погибших в блокаду и от разнообразных катастроф, damnatio memoriae, запрет на всякое упоминание об умерших, невозможность ➡

Памятник князю Владимиру в Москве

Центральная идея посланий, подобных выступлению г-жи Седаковой и книге Эткинда, состоит в обращении нашего внимания как на нечто ненормальное, аномальное, из ряда вон выходящее – «на попытку <…> общего “уничтожения реальности”, задуманного и практикуемого властью». Везде и всегда эти антирусские интеллигенты под властью понимают власть именно в России и почти безотносительно к историческому времени – будь то Владимир Креститель, Петр I, Сталин или Путин

узнать дату их смерти, найти могилы, совершить обряд прощания)... Принудительное молчание о "своих умерших", в котором люди жили десятилетиями, распространилось, кажется, и на само обсуждение этой реальности».

Что же, присутствие и значение смерти в политике – действительно интересная и важная тема. Но, к сожалению, несмотря на опыт Ольги Александровны в данном вопросе, она таки попала в ловушку, самой себе расставленную. Она писала не научный или литературный опус, а политический пропагандистский текст и как поэт оказалась увлечена материалом – он, захлестнув Ольгу Александровну, увлек лодку ее поэтической души по политическим порогам и стремнинам к «океану смерти». В результате г-жа Седакова объединила два абсолютно разных, по сути, вопроса, а именно: проблему уничтожения памяти о политических противниках (тот же римский damnatio memoriae) и вопрос об объеме и форме пребывания смерти, неизбывно присутствующей в общественно-политическом сознании.

По первому вопросу, если мы хотим понять явление, а не выйти с транспарантом и потешить самолюбие, было бы крайне интересно сравнить с научной, но не пропагандистской целью, например, практику «умолчания» в СССР 1930-х годов, на которой концентрируется обычно «либерально» и антирусски мыслящая российская интеллигенция, с современной практикой «войны с памятниками» советским солдатам и с борьбой с советской символикой при одновременной героизации националистических и нацистских формирований, что сейчас происходит в Прибалтике, на Украине и в ряде стран Восточной Европы, например, в Польше. Здесь же можно рассмотреть и эволюцию памяти о Гражданской войне в США – демонтаж памятников южанам. Очевидно, что как на практику damnatio memoriae можно сослаться на постоянное в последнее время смешение в один тип правления гитлеровской Германии и Советского Союза 1930-х годов с неявным переносом этого смешения и на поздний СССР. Но это – абсолютно разные режимы, несмотря на наличие отдельных сходных элементов. Скорее больше сходства у режимов Пилсудского в Польше и Гитлера в Германии, чем у последнего со сталинским СССР. Ярким примером подобной практики является исключение польским правительством РФ из стран, участвующих в обновлении музея концлагеря «Собибор».

Умершие «за правое дело народа» оставались «живы», а не умирали, как обычные люди, уходя навсегда. Они, присутствуя в памяти народа, наставляли его и направляли его. Повсюду воздвигались памятники, мемориальные кладбища, устанавливались мемориальные доски, учреждались праздники

Со вниманием изучая проблему изменения исторической памяти под влиянием политики, можно провести интересные и важные параллели, позволяющие глубже осмыслить как само понятие социального, так и понятие политического как извод социального, особенно в приложении к современной эпохе глобализации.

По второму вопросу полезно осмыслить явное кардинальное отличие в отношении к смерти и к памяти о ней в СССР и в мифическом мире, где будет происходить предлагаемый г-жой Седаковой и теми, кто разделяет ее позицию, процесс «воспитания нового человека» – Homo antisoveticus.

И здесь мы уже попытаемся углубиться в идеологию, обосновывающую данную трансформацию.

Что касается СССР, то там можно выделить три особые категории умерших.

Первая категория – умершие «за правое дело народа». Они оставались «живы» (вспомним: «Ленин живее всех живых»), а не умирали, как обычные люди, уходя навсегда. Они, присутствуя в памяти народа, наставляли его и направляли его. Повсюду воздвигались памятники, мемориальные кладбища, устанавливались мемориальные доски, учреждались праздники. Главным критерием полагалось требование, чтобы умершие «всю свою жизнь посветили делу освобождения трудового человека». Но поскольку эти умершие были «живы», то не было нужды ни в настоящем горе, ни в «работе горя». Она здесь просто была неуместной. Потому их не отпе-

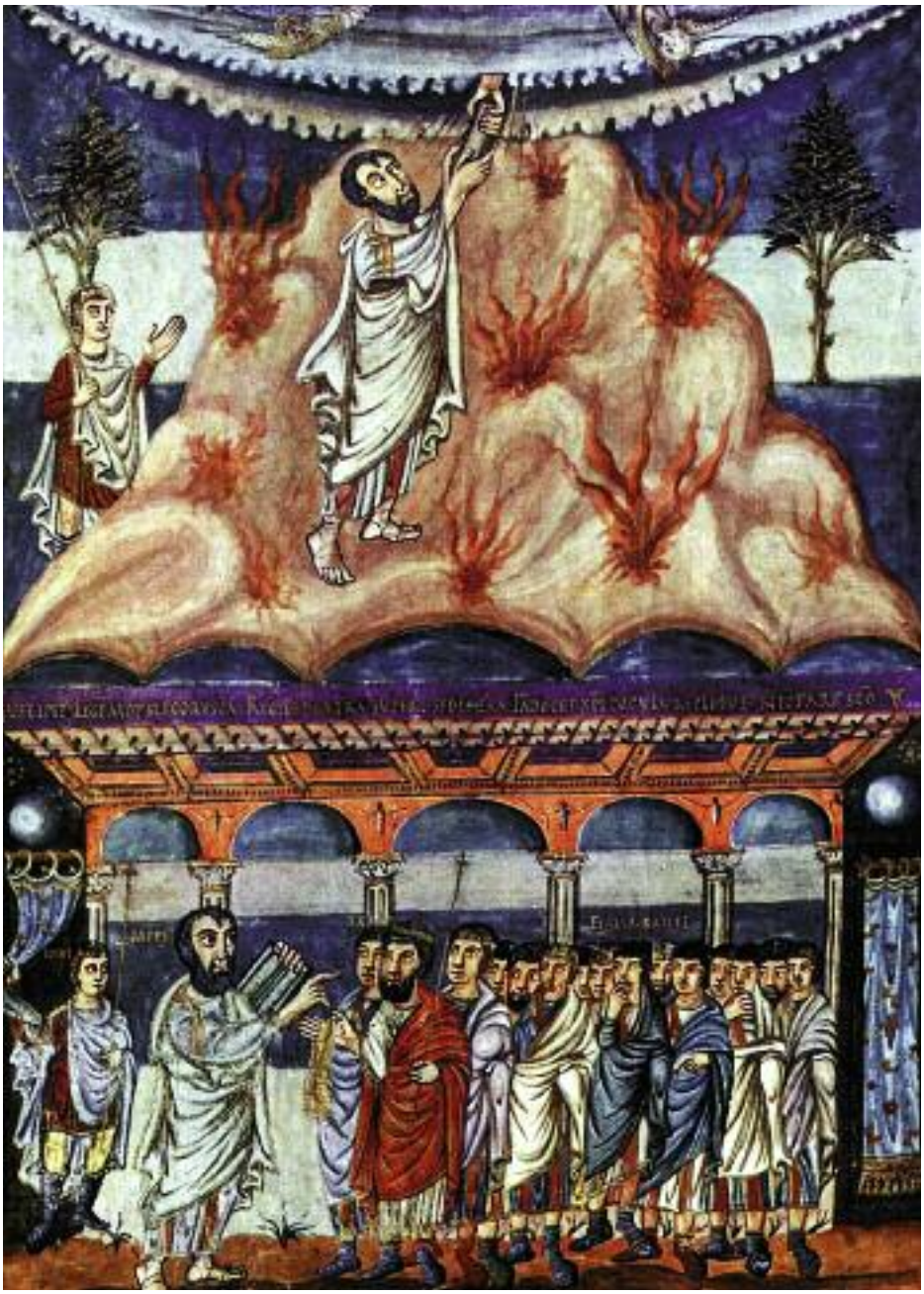
вали – им пели гимны. Допускалась лишь тихая скорбь и уверенность, что их смерть обязывает народ больше трудиться, быть стойким и твердым на своем пути.

Вспомним в связи с этим наставление после смерти Моисея Иисусу Навину со стороны Бога перед началом возложенной на него миссии – вести народ Израиля на завоевание Земли Обетованной: «...будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо, ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих» (Нв. 1:7). Уместна и аналогия с христианскими святыми. Они для нас умерли в теле, но к ним мы обращаемся с молитвами как к живым, с верою, что они слышат нас и могут быть нашими заступниками от бесов и ходатаями пред Христом. А поскольку они живы, то и в память святым служится не панихида, а молебен.

В современной России эта культура поминовения и культура «присутствия» умерших за «правое дело» в памяти живых как наставников вылилась в ежегодную акцию «Бессмертный полк». Ее массовость и естественность подтверждает всё сказанное выше.

Вторая категория умерших – «враги народа». Эти умирали совсем и навсегда. Им не было места ни среди «живых», что погибли за «народное счастье», ни среди обычных мертвых. Ведь «враги народа» хотели лишить народ счастливой жизни. Потому странно было бы чтить память Колчака, Деникина, Власова, Троцкого и т. д. К этой же категории были отнесены и кулаки, и жертвы так называемых чисток. Сию категорию поминали не напрямую, а лишь опосредованно, через память об умерших «за правое дело», к гибели которых они были причастны.

Так и у христиан на иконах изображаются порой мучители святых, но лишь в контексте их участия в судьбах святых как орудия промысла Божия. Да и разве принято у христиан отпевать и даже просто нормально погребать на обычном кладбище тех умерших, что преднамеренно, явно и открыто отвергали Бога?

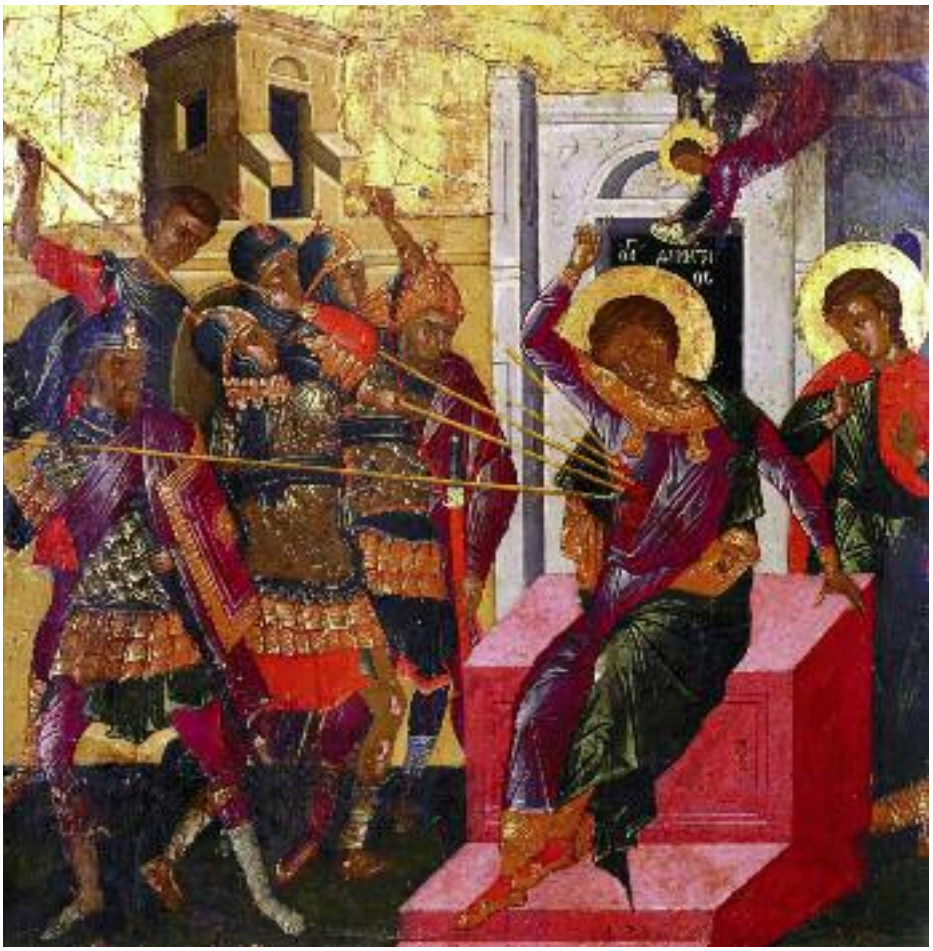


Моисей и Иисус Навин перед народом Израиля. Около 840 года

«...будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо, ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих» (Нв. 1:7)

Наконец, была третья категория – погибшие, например, в результате обычных катастроф, как пассивные жертвы, хотя и массовые. Они не вписывались в идеологему строящегося коммунистического общества, в котором смерти в традиционном понимании вообще нет места. И потому им не отводилось самостоятельного места в публичном пространстве. Все они оставались лишь в личном пространстве родных и близких.

Кратко отношение в СССР к смерти можно сформулировать так: умершие за коммунизм оставались «живы» в памяти народа, ➡



Мученичество святого Димитрия. XV век

И у христиан на иконах изображаются порой мучители святых, но лишь в контексте их участия в судьбах святых как орудия промысла Божия. Да и разве принято у христиан отпевать и даже просто нормально погребать на обычном кладбище тех умерших, что преднамеренно, явно и открыто отвергали Бога?

➡ враги умирали навсегда, те же, кто трагически погиб, но не мог быть отнесен к первым двум категориям, ничем не отличались от обычных рядовых умерших естественной спокойной смертью. Их поминовение оставалось частным, семейным делом. Всё сказанное относится к публичному отправлению ритуалов, связанных со смертью. При частном поминовения своих умерших родных ситуация была намного проще.

Выходила вполне себе устойчивая и логичная картина различной посмертной судьбы людей в зависимости от их земной жизни – ничем не хуже христианской, мусульманской или иудейской.

Данная конструкция отношения к мертвым в СССР, подтвержденная опытом не только советским, но и мировым, показывает, что отнюдь не всех мертвых и не всегда хоронят и отпевают. И нет в этом «трагедии» и «катастрофы», которую пытаются нам представить Эткинд и исповедующие его символ веры. Но согласимся на время с доводами Ольги Александровны: мол, имеются «миллионы непогребенных», «неотпетых», «неуспокоенных», а «общество, разорвавшее связь со своими умершими, не погребающее их, не совершающее по ним траур, не хранящее их память, – уже не человеческое общество»; «умершие, которым не оказаны погребальные почести <…> остаются “не до конца умершими”, они не “уходят” из мира живых, превращаясь в жутких и мстительных призраков».

Ситуация, с этой точки зрения, требует немедленного исправления, хотя сам очевидно языческий текст для верующего православного христианина более чем странен.

Исправить… Но что же современные антисоветские интеллигенты предлагают взамен столь неудовлетворяющей их советской «культуры смерти», покаянного XX съезда КПСС и официальной реабилитации «репрессированных», произведенной в 1960-х и особенно в 1990-х годах? Было бы полбеды, коли они намеревались бы просто поменять местами, условно говоря, «жертв» и «плачей». Забыть «палачей» и поминать теперь «жертв». Если бы!

В чем, например, смысл акции «Мемориала» под названием «Последний адрес»? Читаем на соответствующем сайте: «Результатом такой инициативы должна стать установка многих тысяч персональных мемориальных знаков единого образца на фасадах домов, адреса которых стали последними прижизненными адресами жертв этих репрессий».

Хм… Действо сие не просто дань памяти последнему адресу жительства человека в этом мире. Г-жа Седакова как культуролог и этнолог, думаю, подтвердит, что если на дома обычных граждан прикрепляется табличка с именами умерших по форме очень близкая к той, что размещается на могильной плите, и не с целью памяти – «здесь жил и работал имярек», – а с целью указать, что этот мертвый имярек, здесь живший, не отпет и не нашел себе приюта в другом мире – мире смерти, – то такой дом превращается в место жительства мертвых.

Процитируем для христианки Седаковой слова Евангелия от Матфея: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по

безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12:43–45).

И вот по результатам «магического» действия, осуществляемого «Мемориалом», все «репрессированные», которых, по его данным, более 2,5 млн человек, не то чтобы станут «живы» в памяти, как были «живы» вожди коммунизма, нет – их приглашают на действительное «жительство» в дома живых. Не в память, а в дома! Это не этическая «работа горя», а метафизическое изменение реальности.

Отныне нет отдельного места, где покоятся мертвые, и отдельного, где находятся живые, как это было везде всю историю человечества. «Мемориал» предлагает разрушить стену, отделяющую жизнь от смерти, осушить Лету, построить мост через «великую пропасть» (Лк. 16:26). Мир мертвых и мир живых теперь ничто не разделяет. Теперь город живых и город мертвых стал одним городом. И живые тут, заметим, не на первенствующем месте, ибо их дома помечены как дома мертвых. По сути, живые на подселении у мертвых.

Но эти устроители «нового человека» не только размещают «репрессированных» мертвых в одних домах с живыми, но и не желают отпустить в другой мир и «палачей». Именно на это направлена в том числе и так называемая программа десталинизации, ранее рассмотренная на заседании рабочей группы Совета по исторической памяти, переданная президенту РФ на встрече 1 февраля 2011 года в Екатеринбурге и по сию пору не отвергнутая. Эти должны быть все названы и сохранены в памяти.

Но и здесь не конец. Наши «герои» не собираются останавливать счет мертвецов «репрессированными» сталинским режимом. Недавно г-н Немцев к непогребенным отнес и более 1700 мирных жителей, якобы погибших (по данным «независимых источников») от атак ВКС РФ в Сирии. Заметим, что не десятки тысяч убитых в Ливии, не миллион погибших в Ираке и не тысячи уничтоженных в Сирии действиями ВВС коалиции. Именно жертвы, приписываемые РФ, оказались неназванными поименно, неотпетыми и непохороненными. Именно над ними народ России должен «проделать работу горя», чтобы «спать спокойно».

В результате у живых предполагается отнять дома, отнять память, отнять собственное мнение, отнять будущее… Последнее вообще не предполагается. Конструируется мир вечно длящегося прошлого. И выходит, что уже и места живым среди мертвых совсем не остается. Но ситуация, оказывается, еще сложнее.

IV

А одна книга, внимательно прочитанная, одна соната, внимательно прослушанная, – достаточный камертон для оценки остального.

Ольга Седакова

Теперь, наконец, мы в силах вытащить «внутренности» идеологии, что фундирует на отдельно взятой территории РФ «воспитание нового человека», того самого Homo antisoveticus. Подчеркну, что буду говорить о «внутренностях» этой идеологии, а не излагать ее суть.

Обращение Ольги Александровны Седаковой, в своем выступлении в Милане к роману Юрия Витальевича Мамлеева «Шатуны» симптоматично до невероятности. По-моему, она не осознавала, насколько оказалась точна в этом. Настоящий поэт.

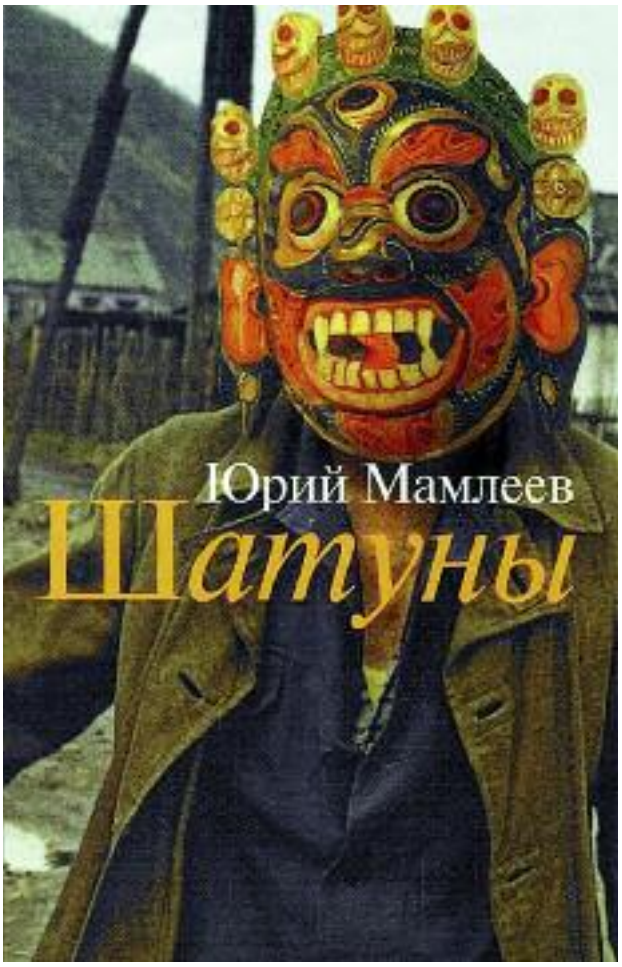
Впрочем, поэтическая душа Ольги Александровны и тут ввергала ее разум в ошибку. Ошибку аналогичную той, что допускают многие, относя, например, антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» или Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» к описанию коммунистического будущего, тогда как это романы-предупреждения, указывающие на вероятные тенденции разви- ➡

Отныне нет отдельного места, где покоятся мертвые, и отдельного, где находятся живые, как это было везде всю историю человечества. «Мемориал» предлагает разрушить стену, отделяющую жизнь от смерти

тия самого Запада. Сегодня это уже совершенно явственно видно. Так и с мамлеевскими «Шатунами» у Ольги Александровны вышло.

«Шатуны» – это не роман о «неизжитой, загнанной внутрь травме» в смысле «согласия на молчание и забвение убитых» сталинизмом со стороны мизинных советских людей, как думается Ольге Александровне и многим, союзным с ее образом мысли. В романе описаны не «мороки и уродливые "сложности" того мира». «Того» – в смысле советского. Отнюдь нет. По словам самого Мамлеева, герои «Шатунов» возникли у него и легли на бумагу в глубоком подполье, то есть максимально вне социума. Они не порождение масс, они творение индивидуумов, в лучшем случае узкой группы людей, противопоставляющих себя обществу, преднамеренно отделивших себя от него. «Шатуны» есть результат деятельности одинокого мышления, заблудившегося в самом себе. Недаром, чтобы писать этот роман, Мамлеву необходимо было входить в особое психическое состояние. Он разработал даже специальную методику входа и выхода из него. Запомним – и выхода! «Шатуны» как таковые есть порождение мышления параноидального, зацикленного на сверхценной идее, не разделяемой большей частью общества, которому по этой причине оно, мышление, противостоит, которое оно презирает и, вообще говоря, боится и ненавидит.

Литературные герои Юрия Витальевича Мамлеева – в каком-то смысле антиподы литературных героев Василия Макаровича Шукшина. И те и другие странны, неординарны, необычны и одиноки. Но они из разного теста. У них разная суть. Шукшинские «чудаки» таковы, поскольку они захвачены идеей общего счастья, в них полно жизни. Все их поступки и вся их необычность именно от избытка жизни и предвкушения общего счастья. Счастья, которым они жаждут поделиться со всеми. Мамлеевские «экспонаты», напротив, боятся жизни, они вне ее, она их пугает, они ей чужды. Им покойней рядом со смертью или хотя бы с нежизнью.



«Шатуны» как таковые есть порождение мышления параноидального, зацикленного на сверхценной идее, не разделяемой большей частью общества, которому по этой причине оно, мышление, противостоит, которое оно презирает и, вообще говоря, боится и ненавидит

Но продолжим. Мамлеев, отвечая в своем позднем интервью на давнее замечание одного из западных литературных критиков, что тот не хотел бы жить в мире «шатунов», впрямую говорит: «И я ли придумал все ужасы России 90-х годов?» То есть он не к миру «тоталитарного» СССР апеллирует, не в нем находит яркие примеры сознания, порождающего «шатунов», а во времени построения в России «дивного нового мира», «капитализма» и «демократии». Мира, о котором столько говорили и так мечтали диссиденты и который с некоторой корректировкой желают учинить в «этой стране» г-жа Седакова и такие, как она. Именно из этого «дивного нового мира» «Мемориала», мира десталинизированного будущего идут к нам «шатуны», пытаясь заменить собою солнечную реальность партикулярного бытия.

Из сказанного следует, что неправ г-н Эткинд, когда в своей книге подробно, с огромным количеством примеров очень вольно и своеобразно интерпретируемых и оцениваемых им художественных произведений пишет о том, что память о репрессиях, которую «форматировало» Сверх-Я советской цензуры, проступала в кривых, страшных, жутких образах творчества музыкантов, художников, ученых и т. д. Она здесь якобы пыталась найти себе выход наружу.

Мы даже не будем останавливаться на крайне сомнительном, с научной точки зрения, почти прямом принесении Эткиндом методов, интерпретации и выводов фрейдовского психоанализа, созданного и апробированного при исследовании психики отдельной патологической личности, на психологию не только масс, но и на психологию, если так можно выразиться, системной, исторически длительной, самовоспроизводящейся, устойчивой общности – народа. Одно это должно дать веские основания настороженно относиться к выводам и рекомендациям Эткинда. Настороженно и с огромным сомнением.

Например, Эткинд видит отличие ГУЛАГа от нацистских лагерей смерти в том, что не «логика производства» определяла в нем действия властей, а главной была «логика пытки», логика установления «мучимой жизни» для заключенных. Иными словами, проведя анализ по своему методу, г-н Эткинд установил, что нацисты при учреждении лагерей смерти в первую очередь преследовали экономические цели – получение дешевой рабочей силы! Более нелепого вывода и более далекого от того, что нам известно о нацистских лагерях, сделать, кажется, невозможно. К слову, сам Эткинд тут же, опровергая сам себя, пишет, что многих «зэков», уже «доходяг», «освобождали до истечения срока (лагерного. – *М.О.*), чтобы они не портили лагерной статистики».

Собственно, большая часть текстов и предложений антирусской российской интеллигенции полна подобных оксюморонов и несуразностей, проистекающих из прямого перенесения личных переживаний на массы, приписывания своих страхов всему социуму, который их якобы имеет, но не замечает, а они замечают, но уже почти не имеют. Так, г-н Немцев абсурдно утверждает, что память нынешних поколений о ГУЛАГе есть «чаще всего незнание о том, что происходило “там”». Память есть незнание… То есть масса ничего не знает, и потому она ненормальная, нецивилизованная, другая.

Отсюда логично проистекает, что вся деятельность рассматриваемой нами антирусской российской интеллигенции направлена на «пробуждение» памяти, на «просветление», на «просвещение» народных масс. В нашем контексте – на освобождение «шатунов» от оков «сна».

Но Эткинд совершенно напрасно истратил литры чернил и стал соучастником уничтожения гектаров леса, из которого сделали бумагу, пошедшую на издание его книги. Не может быть никакой «работы горя», если нет самого горя. Ведь даже по мнению самих либеральных «прогрессоров», масса ничего не знает.

Юрий Мамлеев: «И я ли придумал все ужасы России 90-х годов?»

У русского народа нет горя по поводу эксцессов 20–30-х годов прошлого века. Сомнительна вообще концепция горя как одного из вариантов эмоционального состояния большого коллектива, тем более этноса. Даже у такого опытного в данном вопросе народа, как евреи, и то можно обнаружить только печальную надежду, но никак не горе. Они не торопятся проделать, по совету г-на Эткинда, «работу горя» над Храмом, отпев и похоронив его.

«Шатуны» и все эти столь пугающие антирусскую российскую интеллигенцию образы родились именно в головах «якобинцев»-шестидесятников, не нашедших поддержки своей революционной страсти ни у народа, ни у власти. Эти «комиссары в пыльных шлемах» оказались абсолютно чуждыми мещанской обыденности масс и острожной косности чиновников эпохи «застоя». Потому их энергия революционных преобразований, сверхценные идеи построения небывалого общества вылились или вовне – в эмиграцию, – или внутрь – в абсентеизм, в любовное пестование своих идей и мечтаний, которые постепенно переродились в параноидальные формы. Неприятие обществом и властями их якобинского революционного максимализма, не нашедшего себе применения в реальной деятельности, и породило феномен «шатунов».

«Шатуны» чужды реальности. Она их враг. Они не приемлют ее. Они хотят по возможности ее, реальность, уничтожить, чтобы создать свою «реальность смерти», в которой только и могут «комфортно» – точнее, без постоянной боли, притупив оную, – жить. Для этого «шатуны» и испытывают окружающую реальность на прочность.

Но «шатунам» непросто, даже невозможно выйти из подполья мышления, чтобы явиться на свет Божий. Свет реальности для них невыносим, следовательно, надо сперва его погасить. Как? Разорвав связь мышления с реальностью. Тогда мышление, погруженное в сумрак сознания, начинает питаться только образами, произведенными самим собой, – как мамлеевский «шатун»-самоед Петя, питавшийся лишь выращенными на своем теле грибками, лишаями и прыщами, или как «шатун» Извицкий, в беспредельной любви к самому себе замкнувший весь мир на себя и выбросивший из него всё, что не есть он сам… (Вспомним третьего кадавра из повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу».) Такое замкнутое на себя сознание, не имея опору в объективном бытии, само порождает «шатунов».

Действительные способы разрыва неважны, главное – разорвать связь. Например, постоянно и всюду определять современно российское общество не иначе, как «посткатастрофическое», как «посттравматическое», как «посттоталитарное», просто «тоталитарное», «опосредованное советским террором», «нецивилизованное», «отсталое» и т. п.

А коли обыденная реальность для «шатуна» невыносима, то и те, кто растворен в оной, сиречь «народные массы», мизинные люди, также невыносимы. Они невыносимы уже потому, что не могут быть представлены без «быта». И потому в фантазиях Ольги Александровны и мыслящих ее штампами сегодняшний мир должен быть уничтожен, ибо он «прокажен». Поражен неизлечимо.

А ведь и правда – как можно жить спокойно и счастливо, заботясь о «быте», и думать о величии страны, когда на всех лежит такая вина? Когда всех вскоре пронзит «понимание того, каким мучением и поруганием была жизнь, которую предложили нашим родителям, дедам и прадедам»? Как можно жить счастливо потомкам «палачей», когда, по словам Яна Рачинского, члена правления общества «Мемориал»: «До сих пор почти никто из виновных в расстрелах не был наказан, и важно хотя бы предать огласке их имена. Не столько для возмездия (оно уже явно запоздало), но чтобы в будущем участники таких преступлений понимали, что рано или поздно их внукам придется прятать глаза».

«Знаменитый» пример г-на Эткинда с изображением на 500-рублевой купюре якобы не Соловецкого монастыря, а Соловецкого лагеря особого назначения уже никого не беспокоит, что говорит как раз о закрытии вопроса о Сталине и репрессиях в душе русского народа. Это лишь г-н Эткинд и ему подобные всё пытаются прикрепить к ногам идущей вперед нации гири «духа горя»

В общем, как говорил мамлеевский «мошка»-«шатун» Игорек: «Люди должны объявить поход против счастья… И тогда они увидят новые миры». Добавим – «дивные новые миры».

Поэтому и те, кто взрастил в своем сознании «шатунов», с отвращением смотрят на окружающий их русский мир. С ненавистью. Вспомните, что говорят представители антирусской российской интеллигенции о стране, о простом народе, об истории России. Но они и к себе относятся с такой же ненавистью. Не имея в России никаких притеснений или докук, они в непонятной им самим панике снедаемы страхом «шатуна» к простой реальности и бегут из страны как черти от ладана.

Психологически такое состояние их души сродни состоянию души террориста, основной мотив деятельности которого – невозможность совместного существования с окружающими, полное неприятие действительности, которую он жаждет уничтожить, но которая сильнее его. Террорист, будучи сам частью ненавистного ему мира, согласен погибнуть, в этом нет сомнения, то только вместе с миром и как его часть. Антирусская же российская интеллигенция также хочет разрушить окружающий ее «ненормальный», «дикий» русский мир, который пытается жить счастливо вопреки всему, но вместе с тем она хочет продолжения своего физического существования и не согласна на личную смерть.

Впрочем, и здесь ей не удается избежать суицида. Как террорист, погибая, уничтожает вместе с другими и себя как часть нетерпимого им мира, так и носитель «шатунов», поедая себя, свое мышление, уничтожает одновременно и окружающий его «мерзкий» мир, отказывая ему в праве на достойное существование.

Но русский народ своих «шатунов» все-таки укротил и «уложил спать». И тех, что связаны с Революцией 1917 года и Гражданской войной, и тех, что связаны с трагическими событиями 1929–1937 годов. Давно посадили на цепь «шатунов» своих революций французы и жители туманного Альбиона. Аналогично смогли бы сделать и немцы с «шатунами» Второй мировой, если бы оных постоянно не будили соседи и евреи.

И «знаменитый» пример г-на Эткинда, гордо и регулярно им демонстрируемый, с изображением на 500-рублевой купюре якобы не Соловецкого монастыря, а Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) уже никого не беспокоит, что говорит как раз о закрытии вопроса о Сталине и репрессиях в душе русского народа. Это лишь г-н Эткинд и ему подобные всё пытаются прикрепить к ногам идущей вперед нации гири «духа горя». Это только в их

душах не закрыты счета революции, что естественно для якобинцев. Истинную же цену и глубину что любимого купюрного примера Эткинда, что всей идеологии «бесконечного русского покаяния» – но уже в гротескном, смешном, уничтожающем всю их ценность варианте – продемонстрировал депутат Госдумы РФ от фракции ЛДПР Роман Иванович Худяков, нашедший уже не на 500-рублевой, а на 100-рублевой купюре гениталии у Аполлона.

Однако своими «шатунами» антирусская российская интеллигенция населить окружающий реальный мир не может, ибо это явление сугубое, эгоцентричное, суть которого есть мистическая бесконечная любовь к Себе. И форма этой любви не имеет значения. Будь то полное неприятие мира, как у мамлеевского «шатуна»-Пети, или полагание оного лишь источником сексуального удовлетворения, как у «шатуна»-Павла, или, напротив, отвержение мира, совершаемое путем самостийного оскопления, «потому что надоело», а не из-за «умствования», как у «шатуна»-Михея. Окружающий «шатуна» мир при этом становиться совершенно лишним. А значит, своего «шатуна» выпустить вовне просто нельзя. По сути, и некуда. Любовь к Себе и параноидальная несвязность «шатунов» с действительностью не дадут это сделать. Но и жить с «шатунами» невозможно. Страшно. Муторно. Они изгрызают душу человека-носителя, как тело издирает медведь-шатун.

Каков же выход для антирусской российской интеллигенции? Мнится ей, что если боль будет всеобщей, если боль разольется по всему обществу, если она станет обыденным явлением каждого, тогда личная боль притупится. Она уже не будет столь явной и невыносимой. Если у всех будут перекрыты пути к счастью, то и собственная твоя неспособность к нему уже не будет иметь никакого значения. Потому и мечется по миру антирусская российская интеллигенция в поисках успокоения. Но напрасны надежды. Не будет облегчения.

И возникает у Седаковой и ее единомышленников острая потребность в населении окружающего пространства «шатунами», произведенными каждым из нас.

Но оказывается, что ординарные люди – это другие существа. Они независимы от Седаковой. Они имеют свое «Я» и свободу воли, свободу выбора. Причем в их «Я» нет места для «шатунов». Как мамлеевский «шатун»-Павел «сопоставлял их (детей, а в нашем случае – мизинных людей. – *М.О.*) со своим сладострастием и впадал в слепую, инстинктивную ярость от этого несоответствия», так и наши «герои» впадают в дикую ярость, будучи не в силах ни повлиять, ни осознать, ни отрефлексировать всё, что есть «не-их-Я».

И выходит, что «шатуны» населяют отнюдь не сознание нквдшников и вертухаев и уж, конечно, не молчаливые массы населения, как думается г-же Седаковой. Эти, даже если представить себе крайний случай, не озабочены метафизикой, «духами революции» и «работой горя». Они жили тогда и живут ныне сегодняшним днем. Все рядовые обыватели, якобы усвоившие «подписку о неразглашении» и продолжающие «молчать» сегодня, как и в 37-м, погружены, даже растворены в текущей обыденной реальности, в заботе о прожитии каждого дня, в «прозе жизни». Они даже не рефлексируют сегодня по поводу того, что «завтрашний (день. – *М.О.*) сам будет заботиться о своем» (Мф. 6:34). Они просто в этом живут. У них нет завтрашнего дня, как наступления конкретного будущего, следующего за сегодняшним, проживаемым ныне мгновением. Именно потому Ольге Александровне и таким, как она, кажется столь важной «борьба за реальность», которую-де уничтожают власти. Но борьба за какую реальность? И за реальность ли?

V

Но, а если серьезно, то главное, на мой взгляд, – это просто назвать все вещи своими именами – этого будет вполне достаточно.

Денис Карагодин

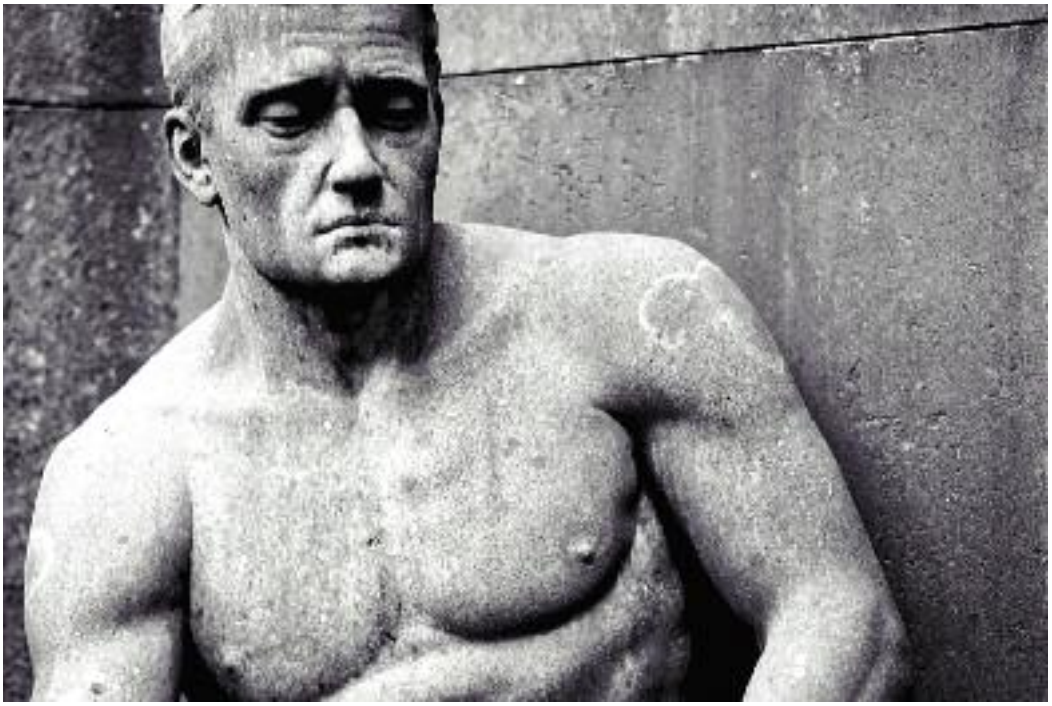
Попробуем теперь проиллюстрировать наши несколько отвлеченные рассуждения конкретным жизненным примером. Вот Ольга Александровна Седакова в своем миланском выступлении говорит о «работе горя», которую проводит «молодой философ из Томска (почему из Томска, когда он уже два года является гражданином Литвы и там живет? – *М.О.*) Денис Карагодин. Он занялся архивными разысканиями обстоятельств убийства его прадеда, крестьянина <…> с тем, чтобы подать в суд на всех участников этого убийства, по цепочке – от палача-исполнителя до Сталина».

На собственном сайте Денис Валерьевич Карагодин так формулирует цель своих действий: «Привлечь к ответственности (в процессуальном порядке на основе актуального законодательства) всех лиц виновных и причастных к его убийству». Под словом «всех» в своих целях г-н Карагодин разумеет буквально всех, тотально всех.

Но ведь никого из них привлечь не представляется возможным «на основе актуального законодательства», поелику имеется в УК РФ ст. 24, а в ней в п. 1 сообщается, что «уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям», из которых в ч. 4 этого пункта называется, в частности, «смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего». Все подозреваемые по этому делу давно мертвы, прадед Карагодина реабилитирован еще в 1955 году. Тогда к чему это всё Карагодину?

Суть действий гражданина Литвы Карагодина можно охарактеризовать как частную вендетту против давно умерших людей, вынесенную на уровень публичного действа. Этакий эксгибиционизм. В противном случае вне публичности она полностью теряет свой смысл. Потому Денис охотно дает интервью немецким, норвежским и американским изданиям (последняя публикация – от августа 2017 года). Причем это не та сицилийская вендетта, когда ты лично встречаешься с врагом и убиваешь его, не касаясь детей и родных, отнюдь. Ведь там и риск есть для тебя, и честность в сражении не- ➔

обходима. И ты сам можешь стать жертвой. Даже более того, ты заранее знаешь, что если останешься жив, то наверняка тебя попытаются убить. Око за око, и зуб за зуб. Тут не то. Карагодин жаждет мести, но себя видит не палачом, не убийцей. Он выше этого. Он вне этого. Ведь и Федя Соннов из мамлеевских «Шатунов» не убийца, он не резал, а исследовал, пытался проникнуть в «другой мир».



Трагедия прадеда Карагодина, или, как настаивает Ольга Александровна Седакова, «работа горя» г-на Карагодина, превращается в фарс. Правда, в страшный фарс. Впрочем, ничего иного не может произойти, если пытаться серьезно претворить в жизнь предлагаемый параноидальным мышлением «шатуна» вариант

Деятельность Карагодина напоминает перформанс, постановочное шоу с неограниченной длительностью, для него лично не просто безопасное и позволяющее поддерживать приличное существование, давать интервью, но, по большому счету, помогающее вылить вовне весь яд души, всю отстоянную там тьму, выпустить всех «шатунов», «ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6:45). Сомневаетесь?

Вот слова Карагодина: «В отношении же водителей и машинисток скажу так. Мною установлен весь список водителей гаража Томского горотдела НКВД (включая и экспедитора «ЗК»), и на пару машинисток горотдела у меня тоже есть данные. Но это уже всё же скорее факультативная цель. Машинистку мы не "притянем" как соучастницу (хотя, если отработать почерк печатных машинок, сличить график смен и пр. – это возможно). Водителя же как соучастника "притянем" 100 процентов». Заметьте, человек выражает сожаление, что машинистку притянуть нельзя и радостно сообщает, что водителя он точно сможет отдать под суд.

В мире Карагодина виновны все – водитель «воронка», что вез арестантов, машинистка, что печатала приговор, уборщица, что наводила чистоту в кабинете, где печатали приговор, строитель, что строил тюрьму, где сидел его прадед, рабочий, изготовивший патрон, которым был убит родственник Дениса, осужденный, который валил лес, из которого потом сделали бумагу, на которой машинистка отпечатала приказ о расстреле… В общем, выходит вывороченный, превращенный в дурную бесконечность «мир, который построил Денис».

И здесь трагедия прадеда Карагодина, или, как настаивает Ольга Александровна Седакова, «работа горя» г-на Карагодина, превращается в фарс. Правда, в страшный фарс. Впрочем, ничего иного не может произойти, если пытаться серьезно претворить в жизнь предлагаемый параноидальным мышлением «шатуна» вариант. Это такое собственное «излечение» через заражение всех остальных.

Карагодин очень похож на тех «шутов»-«шатунов» из романа Мамлеева, которые на вопрос главного героя Соннова: «Для чего вы их убиваете?! Чего ищете?!» (в смысле убиваете зверским образом. – *М.О.*), – согласно отвечали: «Ничего не ищем… Мы получаем удовольствие… И ничего больше… Наслаждение… Наслаждение… Во-первых, ненависть к счастью, но это другое… Потом: они живые, а мы их – раз, и умерщвляем… Нету их… Значит, мы в некотором роде боги… У всех троих оживились личики и точно появились невидимые короны».

Карагодин – и судья, и адвокат, и почти палач. Он в своих фантазиях, похоже, исполняет роль бога. В его власти и карать, и миловать. Он назначает жертвы и далее поступает с ними по своему изволению: «Живите со спокойной душой, а главное – с чистой совестью. Ни я, ни кто-либо из моих родных или близких никогда не будет ни в чем Вас винить», – пишет он в письме внучке работника НКВД, «отпуская ей грехи».

И круг жертв Карагодина и аналогичных ему – весь мир. Весь мир ему должен, а поскольку мир его не видит и не слышит, поскольку мир не знает о своем долге Карагодину, то Карагодин ненавидит мир. И характеризует себя Денис как «человека, хотящего раз и навсегда обнулить всю эту бесконечную кровавую русскую баню. С этим должно быть покончено раз и навсегда».

Карагодин, как и Седакова, видит выход в полном уничтожении окружающего его русского мира – через экзорцизм, изгнание его духа, то есть всего русского, при оставлении одной лишь оболочки.

Мы знаем, что антирусская российская интеллигенция не хочет изменения себя и своих товарищей, она требует изменений всех других. Антирусская российская интеллигенция – это судья! Все другие должны принять ее точку зрения и ее подход к жизни – потому как это единственный правильный путь. Только они – седаковы, немцевы, карагодины etc. – обладают истиной и имеют право судить, требовать и направлять. Всем остальным не дано право голоса.

Ставится под сомнение не только право на жизнь других, но и, как мы убедились, право на смерть… Право на память… Но мы же, вроде, «Мемориал»! Сохраняем память, вроде бы? Только об этом и твердим. И г-н Эткинд о том же пишет. Или «Мемориал» заботится о памяти так же, как «Министерство правды» из романа Оруэлла заботилось о правде? Воистину: «Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб». И далее: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2П. 2:19, 21-22).

Вот и выходит, что «шатуны» в России в наличии только у ментальных соратников г-жи Седаковой. Мир их «шатунов» – это мир монстров-симулякров: «миллионов расстрелянных в 1937 году», «десятков миллионов узников ГУЛАГа», «миллионов высланных в Сибирь с Украины и из Прибалтики», «миллионов изнасилованных немок», «сотен тысяч расстрелянных в Куропатах», «миллионов оставшихся непогребенными и репрессированных, возвратившихся, как зомби, не вполне ожившими мертвецами».

Антирусская российская интеллигенция не хочет изменения себя и своих товарищей, она требует изменений всех других. Антирусская российская интеллигенция – это судья! Все другие должны принять ее точку зрения и ее подход к жизни – потому как это единственный правильный путь

Но общество не готово принять мир «шатунов» как нормальность, как оно не готово было в свое время прочесть роман Мамлеева. Ибо тогда «шатуны» были уже загнаны в подполье мышления, где им самое место. Не то теперь. И вот наши «герои» стремятся заразить физический реализм окружающего их нашего реального мира поедающим их самих метафизическим реализмом «шатунов».

Оттого-то и кончается выступление Ольги Александровны чуть ли не припадком. Этаким экзальтированным, истерическим кредо: «Приблизительно эту веру можно определить так: организованное и ничем не ограниченное насилие над человеком недопустимо и ничем не может быть оправдано; жестокость во имя чего бы то ни было нам ненавистна; жизнью человека никому не позволено пренебрегать. Вот это настоящее, не придуманное, не устроенное по приказу единение людей».

Истерика? Это хорошо. И нам уже не так страшно от «шатунов». Мы уже не отводим глаз от них. Ведь если поименовать верно предмет, то он ручным становится. Имя их нам теперь известно – «шатуны». И нежить уже не нежить, и морок мертвецов истаивает…

Ибо права Ольга Александровна: «Увиденность вещей такого рода и есть суд над ними. Они существуют, пока не увидены. Пока от них отводят глаза – или преднамеренно видят только их фрагменты, которые всегда можно вписать в какие-то другие конфигурации. Но если видно всё – тогда мене, текел, фарес. Ты взвешен на этих весах».

И вот «шатуны» определены, названы и взвешены… И каждый «чувствует странное облегчение, тот самый пресловутый катарсис». Рассвет.

Виктор
ЛЕВИЦКИЙ

Габриэль Пикар. Икар

Когда мы свободны? Что это значит, когда мы говорим, что мы свободны? Наконец, что есть свобода сегодня?

КОГДА МЫ СВОБОДНЫ,

ИЛИ

Можно ли отличить культурную энтелехию от движения в «релятивистской струе»

«Свобода» – одна из центральных категорий западной цивилизации, во многих отношениях ее краеугольный камень. Миллионы копий были сломаны из-за нее как на физических полях сражений противоборствующих армий, так и в интимных пространствах экзистенциальных переживаний.

С одной стороны, вполне очевидно, что все мы от чего-то аподиктически всегда зависимы: от культурной среды, от физиологических детерминант, от социального статуса, от климата и погоды и т. д. и т. п. С другой – обыденное сознание уверено, что сегодня свободно как никогда: оно вольно выбирать производителя йогурта или сыра в супермаркете, свободно в выборе стиля жизни или даже властно над гендерными, казалось бы, инвариантами. Веберовское расколдовывание достигло своего апогея, в результате чего всё стало хайдеггеровским подручным.

Виктор Сергеевич Левицкий – кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации

В связи с этим встает вопрос о свободе в современном мире: когда мы свободны? Что это значит, когда мы говорим, что мы свободны? Наконец, что есть свобода сегодня?

Идея властвования над человеческими умами не нова и была соблазнительна на протяжении всей истории человечества. Противостояние пророка Илии жрецам Ваала – не что иное, как борьба за

умы. Костры из книг и еретиков, осветившие борьбу против инакомыслия в Средневековье, – симптомы того же желания. Предельных воплощений оно достигло в концентрационных лагерях тоталитарных режимов. Но и они, в конце концов, оказались бессильны против человеческого духа: максимум что им удалось – устроить мясорубку с использованием человеческого «материала», однако мало у кого были иллюзии относительно природы происходящего. Используя христианскую символику, можно сказать, что при полной немощи плоти – дух оказался несломленным. Пределом этой технологии стало физическое истребление и полное подавление личности, уничтожение в ней всех человеческих атрибутов, однако даже ей не все оказались подвластны, о чем красноречиво свидетельствуют примеры Виктора Франкла или Имре Кертеса.

На смену ужасам тоталитарного режима победоносно пришла либеральная свобода, обещавшая окончательное освобождение и даже предвещавшая в связи с этим «конец истории». Однако идея либеральной свободы очень быстро обернулась собственным самоотрицанием, в результате чего мы получили самую утонченную за всю историю свободу от свободы, где нормальный человек просто физически неспособен отследить собственное рабство. И лучшими помощниками в этой власти над умами оказались не костры или лагеря смерти, а культурные индустрии, которые современный человек воспринимает как самоочевидное благо.

Мода – как одна из таких культуриндустрий, – несомненно, формирует современный тип культуры. Речь здесь, конечно же, не только о моде от кутюр, хотя и она имеет принципиальное значение. Молодые люди, идя к парикмахеру в разных частях света, уверены, что проявляют и подчеркивают собственную индивидуальность, выходят же от него с одинаковыми прическами, наследующими Бекхэма, Месси и Роналду, не сомневаясь, что это и есть их, молодых людей, уникальный стиль. Представительницы прекрасного пола разных стран, преследуя оригинальность и самобытность, обращаются к услугам пластических хирургов, дабы доказать свою уникальность, и в результате оказываются удивительно похожими на Анджелину Джоли.

Лукас Кранах Старший. Филлис и Аристотель. 1530 год

Николай Дмитриев-Оренбургский. Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 года. 1885 год

В самых бытовых моментах человек думает, что свободно выбирает тот или иной продукт, тот или иной способ времяпрепровождения, на самом же деле просто солидаризируется с уже продуманной и проработанной в деталях культурной стратегией

С тех пор как мода стала самостоятельной культурной индустрией, ее этосу подчинена практически вся социальная действительность. Мода на одежду, обувь, внешний вид, питание, досуг, привычки, семейные отношения, воспитание ребенка, отношения к старикам, культурные вкусы и т. д. В самых бытовых моментах человек думает, что свободно выбирает тот или иной продукт, тот или иной способ времяпрепровождения, на самом же деле просто солидаризируется с уже продуман- ➔

Мел Гибсон в роли Уильяма Уоллеса в фильме «Храброе сердце»

Место античного перводвигателя или средневекового Бога в современной социальной действительности занимает страна (нация), которая выступает образцом для всех прочих народов, законодателем той самой моды и иконой стиля. Когда-то эту роль играла Франция, затем Британия, а сегодня исполняют США

ной и проработанной в деталях культурной стратегией. И дело даже не в том, что общество всегда подавляет индивида (Теодор Адорно, Герберт Маркузе) или что воспитание и обучение – это всегда насилие над личностью (Мишель Фуко, Жак Лакан), после имманентизации реальности область воплощения свободы оказалась зажатой в рамках социальной действительности, а в этом пространстве все социальные практики, как выяснилось, подчинены определенным культурным стратегиям, свободы выбора в которых не больше, нежели если бы курица выбирала, каким способом желает быть приготовлена – поджариться на гриле или запечься в духовке.

Как мода в самом широком смысле слова предоставляет готовые рецепты практического действия, так современные СМИ дают сформированные шаблоны для деятельности рассудочной. Зачастую человек лишь выдает желаемое самостоятельное мышление за действительность. В современном мире человек столкнулся с таким количеством информации, что просто неспособен самостоятельно ее обрабатывать, порой стало невозможно отследить, где информация правдивая, а где ложная, всё более усложняющаяся социальная реальность часто становится понятна только узким специалистам определенной сферы. Методология СМИ на этом фоне становится всё более утонченной, а медиа как таковые давно перестали главной целью считать информирование общественности, занимаясь вместо этого формированием нужной картины реальности. Поэтому нормального человека никак не смущает, что вчера он был уверен в единстве двух братских народов – сегодня же сжигает «Евгения Онегина», а памятники конфедератам, которым прежде возлагал цветы, – сегодня уничтожает. И неспособен он отследить, что реальной причиной таких кардинальных изменений стала на самом деле корректировка медийного дискурса, требующего теперь именно такой реакции от своих адептов. Здесь срабатывает тот же принцип: там, где человеку кажется, что вот теперь уж точно он знает правду и окончательно разобрался, кто олицетворяет добро, а кто инфернальность, на самом деле срабатывает одна из версий реальности (как правило, представленная СМИ), призванная канализировать верования – а следовательно, и энергию – своего реципиента в нужное русло.

Склонность следовать моде, как видим, не столь уж и безобидное дело. Однако в ее основе лежит еще более важный – можно сказать, фундаментальный – для культуры принцип: принцип цивилизационного самодвижения, организующего броуновское движение индивидов в систему планетарного масштаба и наделяющего смыслом это поистине космическое действо.

Когда-то Аристотель увидел перводвигатель мироздания в космическом уме как воплощении всех возможных совершенств: выступая желанной целью, к которой стремятся все вещи и процессы, он заставляет мир двигаться от несовершенного состояния к лучшему. Аристотель назвал эту совершенную форму-цель энтелехией. Так воспринимал Вселенную возвышенный разум греков. В наши дни всё выглядит приземленней, но работает по схожему алгоритму.

Место античного перводвигателя или средневекового Бога в современной социальной действительности занимает страна (нация), которая выступает образцом для всех прочих народов, законодателем той самой моды и иконой стиля. Когда-то эту роль играла Франция, затем Британия, а сегодня исполняют США. Вполне устоявшаяся мысль, что современное величие Америки зиждется на военной мощи и долларе как главной резервной валюте. Однако не меньшее, а скорее даже большее значение имеет поддержание образа моральной привлекательности, к которому по аристотелевскому рецепту весь другой мир должен тянуться. Поэтому Hollywood, CNN, iPhone и прочие бренды, которые создают и поддерживают этот образ, пожалуй, важнее, чем F-35, Javelin и FRS. То, с каким трепетом американские СМИ следят за нужной аксиологией (все в мире должны четко понимать, кто олицетворяет добро, а кто выступает на стороне зла), убеждает в правильности данной гипотезы.

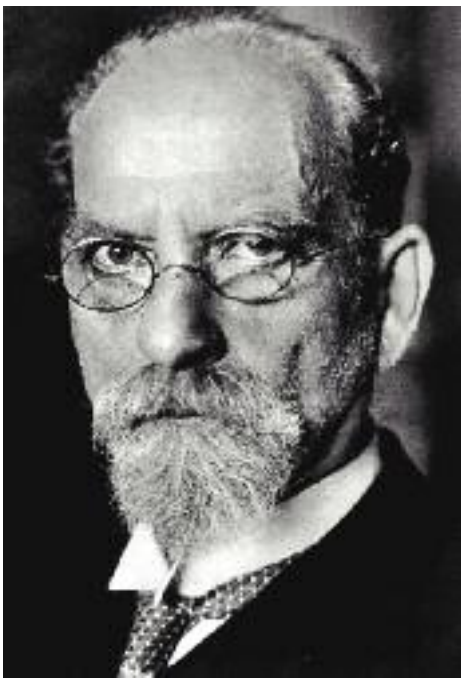
Хорошую пищу для размышления дают два сопоставимых события войны против ИГИЛ: освобождение Алеппо и Мосула. В

одном случае весь мир узнал о невероятных зверствах со стороны сирийской и российской армий, в другом – о торжестве свободы при тысячах смертей, десятках тысяч беженцев и на фоне мало чем отличимого от Алеппо полуразрушенного города. Бюджеты, которые расходует Hollywood, также подтверждают достоверность данной теории. Тогда понятно, почему, например, Уильям Уоллес – герой Мела Гибсона из «Храброго сердца» – свои последние слова о ценности свободы адресует не шотландцам XIII века, а сегодняшнему поколению, которое не должно сомневаться в том, кто последний защитник свобод в этом мире. А, например, Гарри Стэмпер – герой Брюса Уиллиса из «Армагеддона» – доказывает, что готов на самопожертвование для спасения планеты, в результате чего теперь каждый ее житель знает, какому государству он обязан жизнью. Приведенные примеры подтверждают, что все эти явления не случайные феномены культуры, а эффективные инструменты энтелехийной стратегии пребывания на вершине пирамиды.

Чтобы убедиться, насколько такая стратегия действенна, стоит повнимательнее посмотреть на вожделения и целеполагания как индивидуальных, так и коллективных субъектов. Для многих людей, желающих эмигрировать, именно США являются пределом желаний, предстают чуть ли не землей обетованной, а Green Card выступает одним из механизмов удовлетворения этого желания. Остающееся же население многих стран, в том числе и Украины, готово идти на откровенное саморазрушение – сознательное и бессознательное – собственной страны, лишь бы не выпустить этот ориентир перводвигателя из поля зрения.

То же самое замечание справедливо и относительно коллективных субъектов (государств), которые в подавляющем большинстве включены в этот поток. А те из государств, которым всё еще удается сохранять суверенитет, лишь стремятся занять желанное место на вершине геополитической пирамиды, тем самым только подтверждая историческую инвариантность энтелехийного принципа.

В эти индустрии моды и поддерживающие их технологии вложены такие мощные ресурсы, что простой человек не в состоянии им



Пользуясь открытием Эдмунда Гуссерля (на фото), можно сказать, что сегодня как никогда нужна редукция, только не феноменологическая, а медийная или даже культурная (культурологическая), в процессе которой в скобки предлагается заключить медийный или – шире – культуриндустрийный дискурс и вступать в коммуникацию без абсолютной уверенности в предзнании «последней истины»

противостоять. Поэтому владелец, например, Mercedes или iPhone будет до последнего убеждать всех вокруг, что приобретение этих вещей явилось его сознательным свободным выбором, а кухонная дискуссия двух друзей превращается в неотслеживаемое простое повторение монологов ведущих воскресных новостей (и это хорошо, когда эти друзья смотрят один и тот же канал). Самостоятельное мышление всегда было большой работой – в современном мире оно возможно только вопреки, а не благодаря. Сегодняшние манипуляционные технологии настолько изысканны и утонченны, что позволяют добиться того, чего не удавалось никогда раньше: с их помощью рабство осознается как господство, оно добровольно и желанно, свобода от принуждения (Жан-Франсуа Лиотар) в реальности обернулась свободой от свободы.

Очень похоже, что философские размышления, в том числе подобные этим, мало чем отличаются от других культурных артефактов и смахивают на частички плазмы, из которых состоят «релятивистские струи» – потоки материи, высасываемые из космических объектов черными дырами. Эти струи еще видимы, но вырваться из их космических смерчей уже невозможно. Итогом движения их материи с неизбежностью станет поглощение черной дырой – невидимым центром масс и причиной движения гигантских галактических систем. Наверное, наивно полагать, что существует простой рецепт выхода из сложившейся ситуации, тем более если учитывать, что описанные практики являются стратегиями модерного разума как такового. Однако исповедуя принципы идеальной коммуникации (Карл-Отто Апель, Юрген Хабермас), есть возможность, как минимум, постараться самому не впадать в безумие в мире всеобщего безумия. Пользуясь открытием Эдмунда Гуссерля, можно сказать, что сегодня как никогда нужна редукция, только не феноменологическая, согласно которой немецкий философ предлагал воздерживаться от веры в существование объективного мира, а через это – получать доступ «к самим вещам», а медийная или даже культурная (культурологическая), в процессе которой в скобки предлагается заключить медийный или – шире – культуриндустрийный дискурс и вступать в коммуникацию без абсолютной уверенности в предзнании «последней истины». Может, тогда мы сумеем приблизиться к действительной свободе…

Виктор
НЕМЧИНОВ

Подлинной коммуникации свойственна доброжелательная готовность к общению ради формирования определенного отношения к своему визави. А им может быть не только живой современник. Таким визави будет смысловое содержание, ранее воплощенное в каждом достижении культуры – в живописи, в музыке и в музыкальном исполнительстве, в архитектуре, в актерской игре, в танце, в литературе и в звучащем человеческом слове

КОММУНИКАЦИЯ И ИНФОРМАЦИЯ – антропологическая диалектика начала XXI века

В наши дни, когда многие ключевые слова попадают в некий труднообъяснимый, но вместе с тем очевидно доминирующий дискурсивный тренд, с ними происходит нечто непредсказуемое. Они утрачивают свои изначальные и, собственно, единственно точные смысловые значения и начинают описывать нечто другое. Это другое быстро узаконивается как их единственно возможное и непререкаемо общепринятое толкование. Именно такую злую шутку сыграла наша информационная – или теперь уже постинформационная – реальность с понятием «коммуникация». Сейчас оно характеризует практически любой контакт и более того – контакт скользящий, прикладной, особо не нагруженный ни чувствами, ни эмоциями.

Виктор Михайлович Немчинов – директор Музея исторического сознания, руководитель международной исследовательско-образовательной платформы «Диаверситет», старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук

Формальный подход заметен и в постмодернистских теориях, где основные термины «отправитель» и «получатель» выхолащивают как смысл диалога, так и личностное содержание коммуникации. Между тем было бы интересно поразмышлять над этим важным словом, над его исконными значениями, а то и дерзновенно попытаться вернуть ему некоторые из его подзабытых лексических коннотаций.

Сразу необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что коммуникация никоим образом не сводится к всего лишь контакту, не исчерпывается им. Перед нами не просто активированная обратная связь – сигнал-реакция. Это и не обезличенный поверхностный акт некоего взаимного обмена, который нам зачастую кажется информацией, а на деле представляет собой ритуал. Ча-

стично в нашей жизни и в животном мире – там, где важен хищнический принцип выживания сильнейшего, – действительно активно работают сигналы ненападения или агрессии, чаще всего символической, для защиты свой территории, равно как и для посягательства на новое место под солнцем. Угрожающие позы, игра мускулами, все формы маскировки и обмана давно входят в лексикон с детства знакомых фольклорных персонажей. Но это примитивный ритуальный язык жестов и угроз глубочайшей архаики. Культура человеческого общежития как в отдельной семье, так и на общем планетарном уровне предписывает совсем другое – необходимость прогнозировать свое поведение так, чтобы уметь избегать любого подобного агрессивного контакта, не обманывая самих себя, что это, возможно, будет коммуникация. Ее точно не будет.

К счастью, существует противоположный принцип – принцип солидарности и сопереживания, как выяснилось современными специалистами, широко распространенный в животном мире нашей планеты. Действует он в форме диалога и в цивилизованном человеческом сообществе, не признающем границ для проявления человечности, присущей духовно наполненной личности. Именно на этом уровне и возникает возможность подлинной коммуникации, которой свойственна доброжелательная готовность к общению ради формирования определенного отношения к своему визави. А им, кстати, может быть не только твой живой современник. Таким визави будет смысловое содержание, ранее воплощенное в каждом достижении культуры – в живописи, в музыке и в музыкальном исполнительстве, в архитектуре, в актерской игре, в танце, в литературе и в звучащем человеческом слове. Однако активная готовность нашего восприятия выражает лишь начальный – оболочечный – уровень общения.

Для коммуникации обязательно соосмысление, проникновение, погружение на более глубокий уровень. Здесь возникает то, что можно обозначить как культурную контекстуализацию того, с кем выстраивается коммуникация. То есть процесс нахождения из синкретических отдельных смысловых фрагментов диалога какой-то общей привязки всего, что позволяет отнести стороны, вошедшие в коммуникацию, к общему культурному пространству – пусть хотя бы и казуальному, случайному, временному. Если эстетическое, эмоционально-интеллектуальное сцепление происходит, то у каждого из собеседников включается свой внутренний ментальный диалог. Значит, и по завершении встречи коммуникация не обрывается, а продолжает «звучать», обогащается приращением цепочек качественной сложности. В результате происходит постепенное осмысление, а иногда вспыхивает столь нечастое в наше время озарение. Во всех случаях целью коммуникации является то, что древние эллины обозначали словом «метанойя», ➡

Культурное процветание становится возможным тогда, когда в результате изнуряющего противостояния ослабевают принуждающие силы церкви и государства. Живоносные родники культуры проистекают из глубинных вибраций человеческой души, и эта одухотворенная информация перестает быть личным и преходящим и становится «символически выразительным и бессмертным»

Тинторетто. Коронация Девы Марии, или Рай. 1579–1582 годы

Гюстав Моро. Эдип и Сфинкс. 1864 год

а мы по аналогии определяем целью человеческой коммуникации возрастание личности. Происходящее при этом расширение поля культурности есть, пожалуй, единственное надежное средство отхода от вечно грозящего современному социуму нового впадения в дикость.

Следующий принципиальный вопрос, который здесь надо прояснить, – это сложный и неоднозначный характер взаимоотношений коммуникации и информации. С одной стороны, казалось бы, если воспринимать коммуникацию как нечто большее, нежели элементарный информационный обмен между теми, кто контактирует друг с другом, то оба этих понятия можно было бы воспринимать в противопоставлении или хотя бы допустить возможность крайних случаев, когда там, где присутствует коммуникация, нет голого информационного обмена – и, соответственно, наоборот. Но с другой стороны, и информацию нельзя воспринимать чересчур уж механистически – как всё более интенсивный взаимный обмен кило-, мега-, терабайтами данных. Тем более что такая чистая, дистиллированная, автоматически снимаемая и накапливаемая информация хотя и собирается, но в принципе уже не может

Подлинной коммуникация становится лишь тогда, когда она оказывается взаимно интересной, требующей нетрафаретных усилий от всех ее участников. Именно такую коммуникацию я называю диалогом. Находящиеся в подобной коммуникации становятся не просто потребителями эмоций, ощущений, красиво упакованной медийной продукции, но в подлинном смысле слова творцами самих себя. То есть настоящая, а не имитационная коммуникация всегда в чем-то демиургична

быть существенной для непосредственного осознания. Она механически просеивается, автоматически сортируется и обрабатывается в режиме онлайнового мониторинга. Можно спорить о том, было ли такое вообще когда-либо прежде. В наш медийный, пронизанный высокотехнологическими манипуляциями век любое облако гигантских накопленных комплексов байтов может жить, как нам кажется, вечно, но исключительно при бесперебойном наличии электричества. Без него всё оцифрованное культурное наследие в принципе исчезнет и потому, по сути, не может претендовать на статус данных, а тем более информации, которая по определению должна быть возрастающей и, главное, неуничтожаемой. Сегодня таких гарантий никто дать не может, и это повышает потенциальную ценность многих других хорошо зарекомендовавших своей долговечностью культурных носителей информации начиная с «терпеливой» бумаги и кончая передаваемым из поколения в поколение устным сказительством.

В прочно захватившем нас высокотехнологичном мире онлайна этот самый онлайн используется не для держания руки на информационном пульсе сложной и многоцветной картины мира, а напротив – для получения некоего суррогата, позволяющего уютно закукливаться в своем персональном одиноком мирке и надежно защищаться от какой бы то ни было реальной, подлинной информации

Как показал на примере итальянского Ренессанса Якоб Буркхардт: культурное процветание становится возможным тогда, когда в результате изнуряющего противостояния ослабевают принуждающие силы церкви и государства. Живоносные родники культуры проистекают из глубинных вибраций человеческой души, и эта одухотворенная информация перестает быть личным и преходящим и становится «символически выразительным и бессмертным», в чем можно было недавно еще раз лично убедиться при посещении выставочного проекта «Венеция Ренессанса. Тициан, Тинторетто, Веронезе». В этом смысле становится понятно, почему оказывается полезной, ценной и оберегаемой лишь эмоционально окра- ➔

шенная информация. Она тяготеет к идеалу второго – культурного – творения, которое, освобождаясь от индивидуальной временности, обладает «мирским бессмертием и становится языком для всех наций».

Поэтому живя в эпоху преобладающей культуры потребительства, мы постоянно вынуждены сталкиваться с огромным потоком подмен, с морем всевозможных информационных симулякров начиная с бесконечной череды новостных лент и кончая непрерывными пульсациями вездесущей назойливой рекламы. Всевозрастающее личное потребление – неустранимая черта современной цивилизации. Мы не можем избежать ее информационного фона (разве что бегством к уединению на природе, но и тут мы не остаемся вполне самодостаточными). Этот бушующий информационный фон нужен человеку, пока он повседневно живет в социуме, для уточнения правильности формируемой каждодневно индивидуальной картины мира. Но фон этот оказывается «генно-модифицированным». Информация, обработанная пиаром, будет мимикрировать под эмоционально окрашенный и содержательно декорированный сложными смысловыми оттенками фон коммуникации. Где тут заканчивается замаскированная таким образом информация и где начинается реальная коммуникация, понять чрезвычайно трудно. Подчас совсем даже невозможно. Еще более сложно разобраться непосредственно с самой свежей информацией: где заканчивается просто новостной шум, и где начинаются сведения действительно серьезные, осмысленные, насущно необходимые? Один из рецептов был предложен Михаилом Жванецким, который предлагал читать газеты и просматривать сетевые ленты, как минимум, трехдневной давности для того, чтобы задним числом легко отделять содержательную информацию от привязанной к неинформации одуряющей эмоциональной экзальтированности. Действительно, так проще отделять информационные зерна от информационных плевел. Однако и с социальными шумами не всё так просто и однозначно. За них человеческое сознание принимает не только мультимедийную трескотню, но и вообще любые данные, которые оно неспособно дифференцированно в себя воб-

В мгновения интенсивного общения участники разговора становятся чем-то похожими на переводчиков-синхронистов. Ведь синхронный перевод – это умение в каждое неуловимое мгновение просканировать собеседника, которого надо коммуникативно вобрать в себя, войти в привычный для него язык, прочувствовать его внутренний мир, глубоко понять смысл и содержание его сообщения, тут же оформить это понимание на своем языке – и при этом не упустить, что уже было тобой сказано ранее в переводе.

рать – из-за неподготовленности, из-за усталости или отвлечения на какие-то другие параллельно уводящие в сторону темы. Наше повседневное сознание в этом состоянии работает вполнакала, в энергосберегающем режиме, и тогда мы живем, как бы не ощущая своей жизни. Когда проходящие через наши органы чувств данные не оприходованы сознанием, они воспринимаются только как шум, а в информацию они начинают превращаться лишь тогда, когда мы наделяем их смыслами.

Пожалуй, наиболее очевидный индикатор настоящей коммуникации, предполагающей заинтересованный диалог на языке серьезной культуры, – это насыщенный характер ее протекания. Насыщенный – значит скорее сложный, чем простой или примитивный. Сложный не потому, что трудный, а в том смысле, что для осуществления коммуникации необходимо задействовать весь свой ранее накопленный опыт. Приходится активизировать работу сознания, прилагать некие – подчас даже немалые – эмоциональные усилия, требующиеся для подъема общения на определенный интеллектуальный уровень. Иными словами, подлинной коммуникация становится лишь тогда, когда она оказывается взаимно интересной, требующей нетрафаретных усилий от всех ее участников. Именно такую коммуникацию я называю диалогом. Находящиеся в подобной коммуникации становятся не просто потребителями эмоций, ощущений, красиво упакованной медийной продукции, но в подлинном смысле слова творцами самих себя. То есть настоящая, а не имитационная коммуникация всегда в чем-то демиургична. Именно демиургична, а не креативна, поскольку креативность работает на низких частотах формулирования потребительских потребностей, а демиургичность непременно подразумевает необходимость сотворения в общении чего-то качественно нового, никогда прежде не бывшего.

Правомерно поставить вопрос: что интересует участников коммуникации, что вообще такое для них интерес, в чем он состоит? Для ответа на этот вопрос разберемся сначала с тем, чем заинтересовывает, чем нас «цепляет» предложенный в данной статье антипод коммуникации – информация. Рискнем сделать парадоксальное, на первый взгляд, утверждение: в пространстве информации, в том ценностном мире, который креативно тиражируется нынешней мультимедийной реальностью и ее производителями, потребитель озабочен вовсе не приобретением чего-то нового, неизведанного. Он вовсе не этого хочет – а ищет он неким чуть ли не тактильным, циклически повторяющимся, полусознательным опознанием привычных для себя маркеров его персонального пространства для подтверждения реальности собственного существования. Проснулся – и пробежался по знакомым информационным сайтам с четко оформленной на подсознательном уровне заявкой на определенного рода комплексное «меню». «Блюда» этого меню всегда одни и те же – разнятся лишь «приправы», «вкусовые оттенки», «подсластители», «подкислители»: именно эти психологические «пищевые добавки» и создают впечатление искомого жизненного разнообразия. А само «меню» обычно всегда стандартное – несколько зарубежных ужасов, столько-то скандалов, столько-то сетований на тему «снова воруют», столько-то катастроф, столько-то спорта, курортной информации и непременно ожидаемой каверзы от погоды в ряду прочей информационной обыденности. И не дай бог каких-то непривычных локальных новостей: адреналина-то они, конечно, придадут, но вот из повседневной потребительской колеи вышибут гарантированно. То же самое и с перескакиванием с помощью телевизионного пульта с канала на канал, и с уже привычным сидением в соцсетях – с кем-то лениво переброситься, кому-то лайкнуть, кого-то с негодованием пнуть. Причем всегда примерно в одной и той же последовательности. Вот он – прочно захвативший нас высокотехнологичный мир онлайна, где этот самый онлайн используется не для держания руки на информационном пульсе сложной и многоцветной картины мира, а напротив – для получения некоего суррогата, позволяющего уютно закукливаться в своем персональном одиноком мирке и надежно защищаться от какой бы то ни было реальной, подлинной информации.

А при коммуникации всё происходит как раз наоборот. Участники коммуникации стремятся к подлинному знанию друг о друге и об окружающем их мире. Они могут быть не в теме той информационной «нарезки», из которой состоит ежедневное «меню» потребителей медийной продукции, они могут даже не знать каких-то банальностей, хорошо известных обитателям мира СМИ и социальных медиа, но это вовсе не мешает им получать то сущностно важное знание, какое их действительно волнует. Потому что интерес для них – это интерес ➔

настоящий, предполагающий взаимно обогащающее узнавание нового. Узнавание через бескорыстное любопытство к личности другого – твоего собеседника. Интерес же довольствующихся медийной повесткой в основе своей является желанием в принципе избежать возникновения любого действенного общения, способного ненароком спутать карты в легко опознаваемом и создающем комфортное жизненное пространство новостном круговороте.

Плакат к фильму Этторе Сколы «Бал»

Коммуникация обязана в значительной степени быть невербальной, основываться на взглядах, паузах, совместном молчании, на взаимопонимании без слов. Этот невербальный язык играет в коммуникации исключительно важную роль. Но и информация вполне может транслироваться на таком же невербальном языке и при этом восприниматься предельно точно и адекватно

Следующая точка расхождения коммуникации и информации – это внимание. Психика современного медийного человека содержит в себе целую систему незримых информационных фильтров, позволяющих включать внимание лишь в исключительных случаях, а основное время пребывать в режиме рассеянного отслеживания того несметного количества цифровых сигналов, которые окружают каждого пользователя на протяжении всего времени его бодрствования. Иначе и быть не может, так как в противном случае никакая психика попросту не выдержит этой перманентной информационной «ковровой бомбардировки». Поэтому внимание, выключенное или функционирующее в режиме потребительской селекции с преднамеренно крайне зауженной пропускной способностью, – это норма для существования в сегодняшнем информационном пространстве. Фактически здесь всё сводится лишь к фильтрации и фиксации определенного уровня информационного шума – если этот уровень превышается, то степень внимания автоматически возрастает: «В чем дело? Что произошло?» Еще более стремительно и с гораздо большей тревогой включается внимание в обратном случае – когда уровень привычного информационного шума снижается. На этом основан известный эффект психического дискомфорта, испытываемый жителями мегаполисов, оказавшимися даже не в дикой природе, а просто в пространстве, свободном от шумов, в заметно менее напряженной ауре малых городов или небольших поселений. Время начинает течь по-иному, а привычный образ жизни вдруг оказывается под сомнением.

Коммуникация же просто немыслима без внимания, включенного на полную мощь. Разумеется, именно поэтому она не может быть постоянной или слишком продолжительной: обычные люди, не владеющие специальными навыками, приобретаемыми в результате либо особых тренингов, либо – как в конфессиональных системах – медитативных практик, неспособны удерживать предельное внимание на протяжении длительного времени. Но даже дозированная коммуникация производит на ее участников сильное впечатление именно из-за того, что вынуждает их выкладываться по полной, предельно концентрируясь друг на друге и на обсуждаемой теме, что позволяет человеку увидеть и самого себя со стороны. Именно на этом строится методика обучения диалогу в

Гностический змей. Миниатюра XV века

аналитической образовательной платформе «Диаверситет». В такие мгновения интенсивного общения участники разговора становятся чем-то похожими на переводчиков-синхронистов. Ведь что такое синхронный перевод? Это умение в каждое неуловимое мгновение просканировать собеседника, которого надо коммуникативно вобрать в себя, войти в привычный для него язык, прочувствовать его внутренний мир, глубоко понять смысл и содержание его сообщения, тут же оформить это понимание на своем языке – и при этом не упустить, что уже было тобой сказано ранее в переводе, пока производилась вся эта сложная кросс-культурная когнитивная операция. Довольно часто высококлассным синхронистам приходится помогать дооформить, правильно додумать или достроить ту мысль, которую недопроизносят или выражают в эмоционально неподготовленном или усеченном виде переводимые. Стоит ли поэтому говорить, насколько отточенным должно быть внимание у синхронистов и какое свечение покажет сканирование их нейронной активности, чтобы они могли моментально обеспечивать стопроцентно адекватное переложение чужой по культуре речи.

В пространстве информации ощущение времени практически стирается. Потребность в непрекращающемся информационном потреблении и подзарядке формирует в человеке представление о перманентности, устойчивости того мира, в котором он существует. Метафора гностического змея, пожирающего свой хвост, очень точно описывает это присущее медийному человеку свойство стремиться за пределы любых временных ограничений

Довольно непросто различать информацию и коммуникацию по критерию вербальности или невербальности. Прежде всего потому, что наше мышление внутренне всегда вербально оформлено. То, что невербальной может быть значимая коммуникация, – наверное, очевидно и не нуждается в комментариях. И даже еще более определенно: коммуникация должна, обязана в значительной степени быть именно невербальной, основываться на взглядах, паузах, совместном молчании, на ➔

взаимопонимании без слов. Этот невербальный язык играет в коммуникации исключительно важную роль. Но и информация вполне может транслироваться на таком же невербальном языке и при этом восприниматься предельно точно и адекватно. В качестве яркого примера можно привести гениальный фильм Этторе Сколы «Бал», в котором показывается история Франции XX века – с 1930-х и до 1980-х годов – исключительно языком танца и музыки. В фильме не произносится ни единого слова, но слова и не требуются – эмоционально всё понятно без них.

Однако эмоциональность способна оказываться и деструктивной, потому что в этом режиме путем целенаправленного воздействия на человека можно временно отключать или определенным образом перепрограммировать его личностную идентичность. Многие манипулятивные техники как раз нацелены на то, чтобы выключать режим личностного самосознания, но при этом оставлять включенным пространственно сфокусированное сознание. Достаточно предельно цельному, твердому, гениальному человеку или любой другой в совершенстве личностно артикулированной индивидуальности оказаться в толпе себе подобных, как маячки индивидуальности, с помощью которых человек воспроизводит собственную самость, начинают сбоить. На это обратил внимание в конце позапрошлого века Гюстав Лебон. Попадая в толпу, ты перестаешь быть индивидом, ты становишься частичкой толпы, «дивидом», и твое поведение начинает определяться логикой, вернее – инстинктом толпы. Об этом писал Серж Московичи в своей работе «Век толп». Управлять толпой гораздо легче именно на невербальном уровне – точнее, на преимущественно невербальном с точечным включением вербальности (выверенных лозунгов-кричалок, мемов и прочих «мантр»). В этом смысле основной маркер стремления к жесткой манипуляции – это повышенное, нарочито экзальтированное внимание к самодостаточному индивиду в толпе. В быту такая агрессивная тактика известна под названием трамвайного хамства, и мы часто видим ее проявления на игровых стадионах во многих странах мира.

Также весьма затруднительно отграничивать друг от друга информацию и коммуникацию с позиции партисипативности, то есть

Как только предельно цельный, твердый, гениальный человек оказывается в толпе, маячки индивидуальности, с помощью которых человек воспроизводит собственную самость, начинают сбоить. Попадая в толпу, ты перестаешь быть индивидом, ты становишься частичкой толпы, «дивидом», и твое поведение начинает определяться логикой, вернее – инстинктом толпы

личностной вовлеченности человека в тот или иной процесс. В каждом из нас есть наработанная способность к отторжению из поля сознания нежелательного ближнего социального пространства. Англичане с присущей им тонкостью называют эту поведенческую тактику игнорирования – «обратить внимание своим слепым глазом». Но есть и противоположная практика человеческого сопереживания. Внутри каждого из нас заложена потребность расширять пространство своего бытия, умножать проявления собственного участия в жизни вокруг нас. Эта партисипативная практика является императивом нашего поведения, мы часто фокусируемся на ней. И потребление информации путем своего рода слайдинга от одного знакомого маркера к другому известному маркеру, и глубокое переживание коммуникации предполагают достаточно высокую степень партисипативности личности. Обе модели поведения отрабатываются вполне осознанно с той лишь только разницей, что адресная направленность партисипативности при коммуникации проявляется гораздо сильнее, чем при нахождении в пространстве информации. В последнем случае, как правило, имеет место как бы экспансия по принципу растекания воды, которая устремляется туда, где не встречает препятствий на своем пути.

А вот в чем информация и коммуникация однозначно отличаются друг от друга, так это в восприятии времени или вообще в отношении к нему, в способе существования во времени. В пространстве информации ощущение времени практически стирается. Личность воспроизводит – точнее, редуцирует – себя в режиме бесконечной повторяемости регулярной информационной подпитки: от Интернета к телевизору, от телевизора к соцсетям, от соцсетей к телефону, от телефона к Интернету – и так до бесконечности. Восприятие регулярных событий как начала или конца чего-то притупляется, а то и вовсе исчезает. Потребность в непрекращающемся потреблении и подзарядке подобного рода информацией формирует в человеке представление о перманентности, устойчивости того мира, в котором он существует. Отсюда, кстати, и такой мощный запрос современной медийной культуры на разного рода игровые практики – любая игра в той или иной степени основывается на отказе от коммуникации, на управляемой повторяемости действий и, тем самым, создает о них впечатление как о своего рода окнах во вневременное комфортное состояние. Метафора гностического змея, пожирающего свой хвост, очень точно описывает это присущее медийному человеку свойство стремиться за пределы любых временных ограничений. Не потому ли в современной культуре с фантастическими достижениями науки и техники так органично и естественно сочетается мода на оккультное и сопровождающую его образность в виде хорроров, мерлинов, гарри поттеров и прочих стимуляторов спроса на занимательное иррациональное?

Коммуникация же подчеркнуто дискретна, всегда локализована во времени, и это остро ощущают вовлеченные в нее люди. Именно осознание того, что яркое, насыщенное, осмысленное сопереживание непременно завершится, заставляет нас искать те или иные способы управления временем – точнее, не временем, а качеством его наполнения, которое сводится к предельно концентрированному и напряженному переживанию каждого мгновения того времяпрепровождения, которое хотелось бы содержательно продлить. Не будем путать это умение управлять временем с распространяющимся в потребительском мире стремлением контролировать остроту восприятия своего собственного бытового времени с помощью искусственно устраиваемых выбросов адреналина.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что ни в сегодняшнем насыщенном поле информационных знаков, ни в виртуальном пространстве, ни в видимом нами материальном мире не присутствует никакого самого по себе существующего смысла. Нет и никакой готовой действенной картины внешнего мира. Мы сами должны породить смысл и воспроизвести свою картину мира. Эта мучительно трудная работа по привнесению в жизнь смысла будет интересной и яркой в личностной коммуникации, в диалоге, который, хотя и не гарантирует легкодостижимого результата, но всякий раз реально помогает нам преобразовывать себя из самодовольного человеческого существа в ищущего жизненный смысл человека.

Сергей
БЕЛКИН

НЕ УКЛОНИ СЕРДЦЕ МОЕ

Не уклони сердце мое
в словеса лукавствия,
непщевати вины
о гресех с человеки,
делающими беззаконие,
и не сочтуся
со избранными их (Пс. 140:4)

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха «Развитие и экономика»

Я работаю в НИИНОП – Научно-исследовательском институте наиболее общих проблем. Чем мы там занимаемся? Как говорится, «вы будете смеяться», но наш институт действительно занимается «наиболее общими проблемами» … Обо всех темах, которые разрабатываются в институте, говорить не буду, да и не знаю я их, если честно. Наша лаборатория называется «Лаборатория концептуального анализа настроений, настроек и нестроений в социуме». Тема, которой я руковожу, сформулирована так: «Сравнительный анализ вариантов возможного и желательного будущего России».

На эту тему много чего понаписано, предложены разные модели, а мы, в соответствии с заданием, должны давать им экспертные оценки. Авторы этих моделей – порой целые институты, чаще – отдельные эксперты. Отмечу, что формы, в которых авторы излагают свои результаты, отличаются невероятным разнообразием: прогнозы, проекты, концепции, предвидения, пророчества, видения, откровения, угрозы, манифесты, доклады и даже поэмы. То есть чокнутых среди авторов тоже немало. Мы решили называть все эти тексты общим термином – «сценарии».

Первая группа сценариев рекомендовала правительству России сформировать дружественные блоки с теми или иными «центрами силы»: США («англосаксонский вектор»), Евросоюзом («европейский вектор»), Китаем («китайский вектор»), «Азиатскими драконами» – Японией, Сингапуром, Южной Кореей, Вьетнамом («ЮВА-вектор»), Ираном («исламский вектор – 1.0»), арабскими странами («исламский вектор – 2.0») и др. Во всех таких подходах роль России рассматривается в лучшем случае как паритетно равная, а в большинстве случаев – на уровне младшего послушного партнера.

Вторая группа сценариев ориентировалась на формирование собственного российского «центра силы». То есть Россия воспринимается как центр сборки устойчивого военно-политического и финансово-экономического конгломерата стран и народов, играющего самостоятельную роль в мировом процессе как равнозначный региональный субъект, вступающий в равноправные отношения с другими «центрами силы». Выяснилось, что здесь имеется множество подходов, отличающихся базисом сборки: на какой основе этот российский «центр силы» формируется? Базисами сборки объявлялись: этнический («славянское единство»), религиозный-1 («православная цивилизация»), религиозный-2 («союз авраамических религий»), ценностно-социологический («союз справедливости», «коллективистский мир»), климатический («союз отрицательной изотермы января»), идеологический («демократический выбор», «социалистический выбор», «строители коммунизма» и т. п.), экономический («геоэкономисты», «финансисты», «ресурсники», «энергетики» и др.), географический («мостовики-транспортники»), метафизический («циклисты», «софийники», «небополитики») и еще ряд базисов, сочетающих в себе различные подходы, в частности, такие проекты, как «Красная империя» и «СССР–2.0».

Третья группа сценариев принципиально отбрасывала концепцию «центров силы» как ложную систему координат. К этой группе можно было условно отнести несколько совершенно разных подходов: от вариантов автаркии до полумистического ухода общества как целого в «иную реальность», то есть до своего рода общенационального эскапизма. Наряду с маргинальными, экстравагантными и просто бредовыми подходами здесь имелись и глубокие философские концепты пересмотра базовых оснований нашего взгляда на мир и место челове-

Кадр из фильма «Игра в имитацию»

ка в нем. Некоторые из этих сценариев вызывали интеллектуальное восхищение глубиной и точностью наблюдений – наряду, однако, с полной беспомощностью в отношении перспектив практической реализации чего-либо.

Четвертая группа сценариев рассматривала варианты распада России. При этом в одних сценариях распад виделся как благо, как цель, в других – как неотвратимое несчастье. Благом распад считали «уменьшительные националисты», стремящиеся «сбросить балласт» и зажить «как нормальное европейское государство». К распаду призывали также и сепаратисты разных сортов: «националы», «сибиряки», «исламисты» и прочие разные. О неотвратимом несчастье пишут многие, видящие реальные тенденции и реальные устремления «врагов внутренних и внешних». Их сценарии во многом совпадали с теми, кто считал распад благом, – отличалась лишь оценка результатов и, соответственно, рекомендации по замедлению, а не ускорению тенденций.

Наша задача состояла не только в систематизации сценариев – это важно, и результат в общих чертах я описал, – но и в рекомендациях по выбору «наилучшего» и реалистичного сценария. Поскольку заказчиком выступал не абы кто, а администрация президента, мера ответственности была велика: а вдруг наши рекомендации пойдут в дело! Это же означает, что мы определим судьбу страны, судьбу поколений! А к такой ответственности исследователи-эксперты, как правило, не готовы: это удел авантюристов, политиков и поэтов «не от мира сего». Наряду с чувством ответственности – что, в общем, дело привычное – нарастало чувство бессилия перед сложностью проблемы: не удавалось найти и обосновать «наилучший» сценарий, не удавалось даже выработать хотя бы неполный набор критериев «лучшего» и «худшего». Словом, у меня и еще у некоторых сотрудников возникло серьезное умственное и нравственное напряжение, приведшее меня как руководителя темы на больничную койку реанимационного отделения кардиологического центра. Теперь

Наряду с чувством ответственности нарастало чувство бессилия перед сложностью проблемы: не удавалось найти и обосновать «наилучший» сценарий, не удавалось даже выработать хотя бы неполный набор критериев «лучшего» и «худшего»

вот – спустя два месяца, уже в периоде реабилитации – вместо отчета написал рассказ, что-то вроде опыта самоанализа.

Дней пять врачи колдовали над моим заблудшим «не туда» телом. О наступивших и сгущавшихся сумерках моего сознания они при этом мало заботились. Им надо было, чтобы сердце билось, легкие дышали, выделительные системы выделяли … Я же, находясь из-за действия лекарств почти всё время в состоянии полудремы, страдал от неотвратимой безжалостности одних и тех же настойчивых, непрекращавшихся мыслей-вопросов, требовавших от меня указаний о немедленном выборе дальнейшего пути развития России. Лишь на седьмой день я смог хоть иногда думать уже не только о «судьбе Родины» …

Лечащий врач-кардиолог оказался, к удивлению, весьма продвинутым в вопросах психологии и психосоматики. Поговорив со мной, он понял, что причина телесных недугов вовсе не только в возрасте, перегрузке, неидеальной пище, нечистых воде и воздухе, а в мыслях и эмоциях.

– Видите ли, если неподготовленный человек – вернее, не профессиональный действующий политик, а эксперт-политолог – всерьез взваливает на себя ответственность за судьбу Родины, у него лишь два исхода: инфаркт-инсульт либо психиатрическая клиника. У профессионального политика возможны и другие исходы – казнь, например, или убийство. У экспертов с этим всё-таки пока както менее напряженно. Я шучу. Но скажу: одно дело профессиональная аналитика, и совсем другое – переживание проблемы как собственной ответ- ➡

Кадр из фильма «Игра в имитацию»

«Вы присвоили ожидаемым от вас результатам анализа высочайший ранг и высочайшую ответственность. Вы сами назначили себя ответственным за судьбу Родины. Вы на уровне подсознания загнали себя в положение последней инстанции, последнего защитника, от которого некто – царь, президент, главнокомандующий и так далее – ждет безупречно точных, ответственных рекомендаций»

ственности, как сути и смысла нашей жизни. Если бы я вместо исследования состояния органов пациента перевоплощался в него самого и погружался в мир его ощущений, я бы давно умер и никому как врач не мог бы оказать помощь.

– Но, доктор, – отвечал я, – я на самом деле переживаю за судьбу Родины. Я это говорю вам как пациент врачу, а вовсе не для придания тому, что я делаю, ореола гражданского подвига или героического патриотизма. Я просто реально переживаю и хочу, как могу, помочь. Но вот не получается…

– Хорошо, что вы склонны к самоанализу. Однако вы только что, сами того не заметив, вторглись в одну из самых сложных, тонких и малоизученных сфер психологии. Вы вот сказали – «переживаю». А могли бы вы попытаться продвинуться чуть глубже и найти ответ на следующий вопрос: что вы переживаете и что вами переживается? Поясню и сразу предупрежу, что это совсем не простой вопрос. Вам предстоит осознать, что именно происходит в вашем уме, когда вы что-либо переживаете: страх, обиду, зависть, досаду, наслаждение и так далее.

– Понятно… Видимо, вы имеете в виду, что при переживании каких-то эмоций в организме протекают определенные физико-химические процессы. Выделяются определенные гормоны, ну и так далее. Так?

– Нет, не так, сэр, – доктор с улыбкой повеличал меня на английский манер, – физико-химические процессы, разумеется, происходят, только ни вами, ни мной, ни микробиологами, занимающимися их изучением, не переживается выброс, скажем, эндорфинов или захват серотонинов. Это нам не дано: нет у нас столь тонких рецепторов, не предусмотрены.

– Ну, так что же? Тогда подскажите. Не буду больше гадать.

– Подсказываю. Переживаем мы с вами определенную последовательность умственных операций, отражающих и определяющих наше поведение. Вот только что в палату заходила медсестра Инна. Она вошла, взяла пустую мензурку, положила на столик новые таблетки и ушла. Я видел взгляд, которым вы ее проводили. Сразу скажу – меня как лечащего врача этот взгляд радует: проявление жизненных сил – вещь плодотворная. Вы взглядом ощупали ее уходящую фигуру и, несомненно, получили от этого удовольствие.

– Ну, знаете… В моем возрасте это просто эстетическое чувство.

– Да-да, пусть эстетическое. Я не осуждаю, а, повторю, рад за вас, тем более что объект и в самом деле достоин гормонального волнения. Но я об этом заговорил для того, чтобы пояснить свою мысль о различии переживаний и того, что переживается. Вы переживали эстетическое удовлетворение, удовольствие, а в вашем мозгу на уровне подсознания выстраивалась примерно следующая последовательность умственных операции: вот молодая женщина – операция опознания; она привлекательна – операция оценивания; это хорошо – операция присвоения ранга. В результате этой мгновенно и неконтролируемо произошедшей цепочки умозаключений, умственных действий ваш ум сам, без вашего прямого участия дает ко-

Лев Каменев. Монастырь. 1860 год

манду на автоматический запуск подходящего, привычного для вас эмоционального поведения: удовольствие от созерцания эстетически привлекательных форм. Если бы вместо Инны зашла другая медсестра – например, тетя Полина, – уже на первой стадии опознания мозг определи бы для вас иную линию эмоционально поведения, приличествующего реакции на женщину пожилую. Понятно?

– Да, вполне… Вы удивительно умный и проницательный человек.

– Ну, умным и проницательным был покойный профессор Орлов, а я лишь прилежный его ученик. Вернемся теперь к тому, что привело вас на эту койку. Мы говорили о переживании за судьбу Родины. Действительно, есть такая проблема и такое переживание. Только переживали вы на самом деле какую-то последовательность умственных операций, оказавшихся для вас не просто вредными, а смертельно опасными. Попробуем их смоделировать?

– Давайте попробуем.

– Давайте. Поскольку вы мне рассказывали о том, что и для кого делает ваша лаборатория, предложу такой возможный алгоритм. Анализируя предложенные вам варианты, сценарии, вы совершили ряд умственных операций, которые я сейчас не буду выстраивать в цепочку, на данном этапе можно обойтись без этого. Прежде всего следует осознать, что вы присвоили ожидаемым от вас результатам анализа высочайший ранг и высочайшую ответственность. Вы сами назначили себя ответственным за судьбу Родины. Вы на уровне подсознания загнали себя в положение последней инстанции, последнего защитника, от которого некто – царь, президент, главнокомандующий и так далее – ждет безупречно точных, ответственных рекомендаций. А проведенный анализ имеющихся вариантов стратегий не выявил ни одного, который вы могли бы назвать верным, точным, единственно правильным и так далее. Вы оказались в ситуации неразрешимого дискомфорта, вы себе присвоили ранг или статус несостоятельного эксперта, человека, который не может дать то, что от него ожидают. Причем в обстоятельствах экзистенциального характера. Это второй важный пункт: вы действительно подсознательный патриот, способный на чашу весов при определенных условиях положить свою жизнь ради спасения Родины. У вас не сработало чувство самосохранения, которое должно было остановить чрезмерный выброс «гормонов ответственности», «гормонов профессиональной чести» и тому подобное. Здесь возникает третий объект оценки: инстанция, перед которой вы хотите любой ценой выглядеть на уровне высочайшей профессиональной оценки. И вы не справились с управлением – в буквальном смысле. Вы оказались во власти, под управлением букетика своих эмоций, это они далее управляли работой организма: выбросом гормонов, спазмом сосудов и всем остальным, приведшим вас сюда, ко мне. Ну, вот где-то так… Похоже?

Я оказался в подмосковном санатории, расположенном на берегу реки с видом на стоящий на высоком холме старинный монастырь. Я человек неверующий, но хорошо, по-доброму относящийся и к религии, и к церкви. А уж к русской церковной архитектуре, музыке, живописи и всему прочему я всегда относился просто трепетно! <. . .> Я даже молился Богу, прося у Него сперва здоровья, а потом, когда пристыдил себя мыслью о том, что просить у Того, в существование Которого не веришь, как-то неприлично, я поменял молитву и стал просить даровать мне веру в Бога

– М-да… Очень похоже… Выходит – побольше эгоизма?

– Это упрощение, к тому же неверное. Необходимо освоить методику осмысления своего эмоционального мира, механизмов запуска эмоций – вот что нужно. Мышление должно приносить пользу здоровью. И тогда, чтобы не попадать во власть эмоций, не надо становиться эгоистом – они, кстати говоря, ничуть не менее альтруистов подвластны собственным эмоциям, в том числе и губительным.

– А как же эту методику освоить?

– Я вам расскажу об этом, посоветую нужные книги и даже, возможно, курсы обучения, если они сейчас работают.

Вскоре меня выписали из реанимационного отделения, перевели в общее, а потом и домой отправили. Ссылки на умные книги, в которых рассказывалась методика самоанализа, доктор мне дал, кое-что из этого удалось скачать в Интернете и существенно продвинуться в умении управлять своими эмоциями, а не подпадать под их всевластие. Но сами проблемы при этом никуда не делись.

После перенесенного приступа мне был предписан период восстановления здоровья. Так я оказался в подмосковном санатории, расположенном на берегу реки с видом на стоящий на высоком холме старинный монастырь. Я человек неверующий, но хорошо, по-доброму относящийся и к религии, и к церкви. А уж к русской церковной архитектуре, музыке, живописи и всему прочему я всегда относился просто трепетно! Поэтому в монастырь ходил каждый день и, чтобы не противоречить устоявшейся традиции, всякий раз прилежно крестился при входе и выходе, а также в процессе богослужения, если случалось на него попадать. Я даже молился Богу, прося у Него сперва здоровья, а потом, когда пристыдил себя мыслью о том, что просить у Того, в существование Которого не веришь, как-то неприлично, я поменял молитву и стал просить даровать мне веру в Бога. Мне такой подход показался честным: я как бы Бога не обманываю, можно сказать – предупреждаю, что не верю в Него, но при этом с готовностью приму веру, ежели сподоблюсь ее обрести. А еще я любил сидеть на скамейке с наружной стороны монастыря: оттуда открывался бесконечный простор на извивающуюся внизу пойму речки, на лежащие вдоль ее берегов деревеньки и застраиваемые, к сожалению, дачами луга.

Уильям Блейк. Моление о чаше. 1799-1800 годы

Я не мог не сказать о волнующей меня роли церкви как нравственного регулятора общества, указав при этом на то, что роль эту она не исполняет. Более того, по моему мнению, и не может исполнять, поскольку ее забота – отдельный человек, его душа и его спасение, а не общество в целом

Как-то раз мое одинокое любование этими красотами было неожиданно нарушено обращенным ко мне вопросом: «Можно подле вас посидеть, полюбоваться пространством?» И я даже еще не успел выйти из своего умиротворения и понять, кто меня об этом спросил, как задавший вопрос, не дождавшись моего ответа, присел рядом на скамейку. Это был пожилой, можно сказать, старый монах этого монастыря, которого я уже не раз и не два видел в предыдущие дни. Лицо его было очень красиво, интеллигентно, благородно. Уже потом – в ходе наших разговоров – выяснилось, что отец Александр, так звали этого монаха, – человек не только огромной, отзывчивой души, но и всеохватной эрудиции, изощренного аналитического ума и небывалой прозорливости, причем в тех самых вопросах, которыми я занимался профессионально и поиск ответов на которые привел меня сперва к пограничному между жизнью и смертью состоянию, а теперь вот – в монастырь.

Мы не сразу пришли к обсуждению вопросов о судьбе России и о возможных вариантах реализации этой судьбы. Сперва мы просто любовались окрестным видом и обсуждали его, потом поговорили о монастыре, его древней истории, его особом положении среди прочих монастырей. Отец Александр перечислил мне княжеских и царственных особ, побывавших здесь, напомнил и о сложной судьбе обители в послереволюционные годы. Наверное, именно эта страница русской истории привела нас к разговорам на политические темы. Я был удивлен взглядам отца Александра на советский период. Ожидал я услышать или самую примитивную агитационную ненависть к советской власти, или ее же – но в более сдержанных формулировках. Надо сказать, что меня эта распространившаяся в православной среде беспардонная ненависть и примитивизация сложной, трагической

страницы нашей жизни огорчала, и говорить об этом со священнослужителем не хотелось. Выяснилось, однако, что отец Александр не просто «тоже всё понимает», а знает и понимает все перипетии политической истории гораздо глубже меня. Рассуждая, скажем, о марксизме и религии, он говорил примерно так:

– Объединение в широком смысле марксизма и метафизики остается насущной и нерешенной проблемой. В марксизме много верного, но многое было превращено в догматы. КПСС омертвила марксизм, превратив его из научного метода в квазирелигиозный догмат. В результате общество было лишено и эффективного метода познания изменяющейся действительности, и метафизики утешения, снятия давящего противоречия между конечностью жизни, неотвратимостью смерти и бесконечностью бытия, его осмысленностью. Это было большой, трагической ошибкой, погубившей страну. Попытка перенести вопрос о личном бессмертии, о бессмертии души в сферу общественного, говорить о том, что мы продолжаемся в наших делах, творческих и иных свершениях, в наших детях и памяти людской, – направление верное, но его недостаточно. Нужен и метафизический социальный регулятор.

Поклонение золотому тельцу. Средневековая миниатюра

Я высказал предположение, что, по всей видимости, ни в КПСС и ее институтах, ни в академической сфере не было не то что людей, а даже намерений помыслить в этом направлении. И тут открылась удивительная для меня новость – прежде всего о самом отце Александре.

– Ну, – сказал он, – и люди, и намерения там были самые разные. Я сам был не последним человеком в партийных органах, вел научную работу в области политических наук, правда, тогда таких наук в номенклатуре не было, защищались или по историческим, или по философским. Я дважды защитился по философии. Но вы правы в том, что намерения так и остались втуне. Срастить религию с марксизмом-ленинизмом было, увы, не суждено. Хотя сами по себе религиозные настроения, религиозная терпимость потихоньку становились пусть скромными, пусть стесняющимися самих себя, но фактами. Например, супруга Брежнева была верующей, об этом все знали, и проблемы из этого никто не делал.

Я не мог не сказать о волнующей меня роли церкви как нравственного регулятора общества, указав при этом на то, что роль эту она не исполняет. Более того, по моему мнению, и не может исполнять, поскольку ее забота – отдельный человек, его душа и его спасение, а не общество в целом. Отец Александр не полностью, но согласился, сравнив

Реакции попов-пропагандистов на проблемы, их ответы сводятся к примитивной религиозной – даже не религиозной, а церковной – пропаганде. Ну, скажем, в ответ на попытку обсуждения какой-нибудь конкретной социально-экономической задачи они горячо, но банально талдычат, что вот, мол, пока народ Израиля жил по заповедям Божьим, всё у него был хорошо, «молочные реки и кисельные берега», а когда отступил и поклонился золотому тельцу – стало всё плохо

православие с исламом – религией, не просто вторгающейся в жизнь общества, но полностью регламентирующей всю, в том числе и государственную, жизнь. Поэтому исламские государства, рассуждал он, были, есть и будут, а православное государство – вещь сомнительная, хотя, быть может, в какой-то форме и возможная. В связи с этим был упомянут Афон – монашеская республика. Я также посетовал на недостаточно активную, по моему мнению, позицию церкви в решении социально-политических проблем. Находясь под впечатлением от не очень плодотворной недавней дискуссии, в которой участвовал известный священник, договорившийся в своей запальчивости до того, что «Гитлер лучше Сталина», я высказался довольно резко. Сказал я что-то примерно такое:

– Знаете, от нынешних попов-пропагандистов вообще трудно услышать что-то вменяемое о политике властей. Они никак не осмысливают текущую политику, слишком буквально воспринимая мысль, что «всякая власть от Бога». Их реакции на проблемы, их ответы сводятся к примитивной религиозной – даже не религиозной, а церковной – пропаганде. Ну, скажем, в ответ на попытку обсуждения какой-нибудь конкретной социально-эконо- ➔

Лукас Кранах Старший. Десять заповедей. 1516 год

«Знаете ли, сказанное насчет заповедей и воли Божьей, на мой взгляд, совершенно верно. Несомненно, что если бы люди жили в соответствии с заповедями, их жизнь стала бы прекрасной. Но поскольку этого не происходит, вы и сами этот призыв считаете неверным. Он верен, но это – заповеди, а не технологическая карта по их повсеместному внедрению в жизнь»

➡ мической задачи они горячо, но банально талдычат, что вот, мол, пока народ Израиля жил по заповедям Божьим, всё у него был хорошо, «молочные реки и кисельные берега», а когда отступил и поклонился золотому тельцу – стало всё плохо. Вывод: следуйте заповедям Моисеевым – и всё у вас будет хорошо. Или эта вечная песня про то, что «даже волос с головы не упадет без воли Господней». Всё, мол, от Него, всё через Него. Это ли не призыв к безвольному фатализму, в то время как надо действовать, а не ждать милостей от природы? Пардон, от Бога.

– Знаете ли, сказанное насчет заповедей и воли Божьей, на мой взгляд, совершенно верно. Несомненно, что если бы люди жили в соответствии с заповедями, их жизнь стала бы прекрасной. Но поскольку этого не происходит, вы и сами этот призыв считаете неверным. Он верен, но это – заповеди, а не технологическая карта по их повсеместному внедрению в жизнь. А вы хотите именно карты, инструкции, технологии. И я хочу, но найти ее пока не удалось. И «о попах». Далеко не все священнослужители готовы решать те задачи, о которых вы говорите. Они и своему прямому делу не все хорошо обучены. А уж управление обществом – церковь от этого давно и далеко ушла. Я считаю, что – к сожалению, но пока это факт. «Попы», как вы говорите, не злонамеренны, когда отвечают вам словами, которые вы воспринимаете как банальность. Ну, например, вы же не станете обижаться на пожилую соседку, которая, увидев, что у вас простуда, посоветует попить чайку с малиной и ножки попарить? Что может быть банальнее? И в то же время не так уж и неверно, хотя, быть может, и недостаточно. Так и ответы священнослужителей на сложнейшие социально-политические вопросы. Ведь и среди тех, кто этим занимается профессионально, очень мало разбирающихся в глубинной сути проблемы и способных дать ответственные рекомендации. Вы сами это на себе испытали.

Я согласился с низкой эффективностью научного и экспертного сообщества. Политологи всё больше напоминают зазывал из букмекерских контор. Их заявления, как правило, слабо аргументированы. Взяв любую из вероятных, возможных, даже наблюдаемых тенденций, они объявляют ее доминирующей, не предъявив никаких аргументов. «Я считаю, что Россия к 2030 году будет порабощена Китаем». – «А я уверен, что Америка сюда Китай не пустит, Россия будет под Америкой». – «Нет никаких сомнений в том, что Россия распадется на куски: часть – Китаю, часть – исламскому миру, остальное, никому не нужное, быть может, и останется у русских, и они начнут проситься в Евросоюз, как туда сейчас просятся Украина и Молдавия». – «Знайте: заканчивается кондратьевский цикл, Россия оседлает повышательную волну шестого технологического уклада и станет сильнейшей державой в мире» … Нет предела этой пестроте мнений, которыми питается попсовая журналистика. Отец Александр разделил мое мнение и сказал:

– Даже само множество обсуждаемых сценариев свидетельствует о неблагополучии в интеллектуальной оценке происходящего. Немудрено, что ваш организм воспротивился требованиям выдать необходимые рекомендации и решил приболеть. А ведь наряду с интеллектуальной существует еще и нравственная оценка, она есть всегда, даже когда мы о ней совсем не думаем. Совесть! Ее голос может быть очень тихим, даже совсем без-

звучным, но он никогда не умолкает, покуда есть душа. Но об этом поговорим, если вы не против, как-нибудь потом. Сейчас же снова отмечу отсутствие в среде политических экспертов профессиональной дискуссии – как это было и в период перестройки. Вы правы: сонмища «экспертов» обрели возможность пророчествовать, никак не соотносясь ни с остальными «экспертами», ни с научной истиной, вообще ни с чем и ни с кем. Возможно, лишь на того, кто оплачивает их деятельность, они еще оглядываются.

Отец Александр, смеясь, наклонился вперед и снизу заглянул мне в глаза, как бы давая понять, что для него и мое вполне зависимое положение не является тайной.

– По поводу мучающих вас проблем – куда идти России, к какому берегу прибиться – я скажу совсем немного. Наверное, это будут какие-то банальности, но я уж всё равно скажу. Вот Тютчев – помните: «Умом Россию не понять… в Россию можно только верить». Это ведь, мне кажется, верно сказано. Я это так понимаю: Россия – сложная целостность, состоящая, как и человек, из тела и духа. «Тело» России – это ее земля, народонаселение, ресурсы, государственный строй с его законами, экономика. А дух, точнее, душа России – это нечто столь же сложно определимое, как и душа человеческая. Люди религиозные, православные говорят о России небесной, говорят о неведомом «замысле Божьем о русском народе» – всё это попытки обозначить душу России. Музыканты говорят, что музыка – душа народа. Русская литература потому и всемирно велика, потому и столь философична, что пытается выразить и отразить эту неуловимую душу русского народа и России. «Загадочная русская душа»… М-да… И правда – загадочная. Икона Божией Матери «Чистая Душа».

– Но, отец Александр, разве не у всех стран есть свои души – хотя и не вполне ясно, что мы этим словом описываем? Или же спрошу иначе: сможет ли Россия жить без этой загадочной души?

Отец Александр умолк, откинулся на спинку скамьи, закинул руки за голову, подхватывая скуфейку, слегка покачался, как бы обдумывая ответ, и продолжил:

– Может ли Россия жить без души, одним телом? Может, я думаю. Есть страны и народы, у которых нет души, а тело – есть. И тело может быть при этом и весьма могучее, и отменно прожорливое, и долгоживущее. И душа такому телу вовсе ни к чему. Россия, ежели утратит свою «загадочную» душу, тоже может стать просто телом: жить, пить, есть, потреблять и производить. Стать, как говорят многие и многие ревнители подобного проекта, «нормальной страной». «Нормальной», то есть без всяких там романтических и мессианских завихрений. Так что жить-то Россия без души может – живут же, например, грибницы и даже более сложные организмы. Только для научной точности надо будет это живое образование более Россией не именовать. Если продолжить аналогии с человеком и его душой и взглянуть с православной точки зрения, то такая судьба России – в чистом виде продажа души дьяволу. После чего тело получит на некоторое время вожделенное наслаждение, а потом – муки вечные. Но православные образы не всем близки. Так что можно о том же самом сказать и на языке светском: утратив то, что мы назвали душой России, ее тело, то есть государство со всеми людьми и ресурсами, станет так или иначе перевариваться окружающим миром, распадаясь на удобные для пищеварения куски, цепляясь при этом за некие квазидуховности, выделяемые пищеварительной системой едоков.

«Политологи всё больше напоминают зазывал из букмекерских контор. Их заявления, как правило, слабо аргументированы. Взяв любую из вероятных, возможных, даже наблюдаемых тенденций, они объявляют ее доминирующей, не предъявив никаких аргументов»

– Едоков? Вы имеете в виду другие государства?

– Их тоже, но не только государства, а и своих собственных, родненьких, кровь от крови, плоть от плоти народной всевозможных политиков и заблудших их последователей – властные элиты, вернее, властные кланы.

– То есть нас пожирают или хотят сожрать многие? Кто же из них ближе всех нас к своей глотке подтянул?

– Мне кажется, что наиболее продвинутый, причем не просто реалистичный, а, похоже, единственный находящийся в стадии реализации проект – это та или иная форма поглощения России Америкой. Субъектом в нем являются транснациональные финансово-промышленные группы, которые мы упрощенно называем атлантическим миром. Этот проект под разными названиями и масками реали- ➔

Икона Божией Матери «Чистая Душа»

«Дух, точнее, душа России – это нечто столь же сложно определимое, как и душа человеческая. Люди религиозные, православные говорят о России небесной, говорят о неведомом “замысле Божьем о русском народе” – всё это попытки обозначить душу России»

➜ зуется уже не первое десятилетие, у него есть не просто сторонники, а действующие институты, планы, ресурсы, профессиональные сплоченные команды и ясные цели. Причины, по которым процесс не завершился вчера и не завершается прямо сейчас, лежат в основном в Америке, в США. А вовсе не в России, как мне кажется: здесь реального сопротивления этому процессу нет.

– Ну почему же нет… Довольно много сильных политических течений с открытой антиамериканской направленностью, вообще много патриотов. И их интеллектуальный уровень очень высок, я в этом просто каждый день убеждаюсь, мы же их читаем, изучаем, даже общаемся.

– Я же не говорю, что сопротивления нет. Я сказал – нет реального, то есть сопоставимого по силе, по организованности, по управленческой эффективности. Я говорил, что во время оно работал в международном отделе ЦК КПСС и очень обстоятельно знакомился со многими такими вещами. Да-да: перед вами священник-коммунист, не удивляйтесь. Противоречий не то чтобы нет, но они мною, в моем внутреннем мире сняты. Так вот, слабость США, ослабление субъектности США как мирового лидера вызвано как внутренней борьбой кланов, так и постепенным разрушением всей системы жизнедеятельности этой великой страны, ее базовых принципов. Но это, как говорится, отдельная тема. США умирают, это будет идти еще долго, американские и международные элиты это понимают и не только ищут, но и находят пути смягчения болезненного процесса в надежде разработать и выстроить новые суть и форму жизнеобеспечения. Конкурируют различные внешнеполитические подходы, но расхождений в том, что все ресурсные источники, принадлежавшие СССР, должны быть взяты под контроль США, нет – расхождения лишь в том, кто именно и как «от имени США» это будет осуществлять. Есть, конечно, менее значимые тактические разногласия по поводу формы российского социально-политического ландшафта, который должен будет обрамлять фактическое господство США в регионе. Среди факторов, не позволяющих обеспечить адекватное сопротивление американскому поглощению России, – разногласия российских кланов в вопросе о том, как «правильно» лечь под клиента, кто будет «национальной буржуазией», кто – «компрадорской», а кто – «гауляйтером».

– Так что же – мы обречены быть кем-то сожранными?

– Не хочу быть беспросветным пессимистом, но ситуация зашла очень далеко. Позиционной борьбой, похоже, положение уже не спасти.

– Позиционной борьбой? Что вы имеете в виду?

– Поясню на примерах. Февральская революция 1917 года – это типичная позиционная борьба: отречение государя, формирование Временного правительства, программа реформирования и ее исполнение. Фигуры по доске перемещаются, стараются улучшить или удержать свою позицию, но прямых смертельных атак друг на друга до поры до времени нет. То же самое было в период перестройки – от Горбачева до Ельцина: попытка улучшить систему социализма. Ельцин же ничего не улучшал, он взялся всё дотла уничтожить. И уничтожил.

– Но разве Путин не меняет курс, не производит очевидные и очень важные действия по укреплению страны, по повышению ее реального суверенитета – и всё такое прочее?

– Хм… Делает, конечно, кое-что. Да только и Временное правительство делало немало, а вышло совсем другое. Вышло именно то, о чем я говорил: позиционное маневрирование себя исчерпало, для спасения страны понадобились меры хирургические. Это как в шахматах: жертва фигуры, вскрытие позиции и хорошо организованная атака на короля путем развития своих сильных позиций и доведения до капитуляции слабых позиций соперника.

– Вы, отец Александр, и в шахматы играете?

– Теперь уж нет. А когда-то был мастером, чемпионом университета.

– А в каком университете вы учились?

– В Московском… В послевоенные годы…

Отец Александр поднялся, сказав, что часть разговоров надо обязательно оставить на завтра, а сейчас ему надо уже идти. Я решил пойти вместе с ним по тропинке, что бежала вдоль могучей стены, окружавшей монастырь, венчавший крутой холм, напоминающий и в самом деле стража в шлеме. По дороге отец Александр говорил:

– Стена, что за нашей спиной, много видела и много хранит в себе не каких-то мистических тайн, а пуль и снарядов. Иные сидят в ней четыреста лет, другие – двести. Тут есть пули польские, оставленные двумя Лжедмитриями, есть пули и осколки французские, выпущенные в нее наполеоновскими дикарями, есть и свои собственные, русские, братоубийственные, не застрял в ней только немецкий свинец последней войны, что сродни чуду. Клубится вокруг обители и зло, и добро, мятутся народы. А в революцию тут, как и по всей стране, творилось всякое. И грабили, и раки вскрывали, и попов били да в тюрьму сажали. Впрочем, попов и настоятелей и в прежние времена часто карали и казнили. Потому что всегда было противоречие между властью духовной и властью светской. Даже в атеистические времена, после «полной победы над церковным мракобесием», это противоречие никуда не исчезло, только приняло оно иные формы: между партийными и советскими органами. Как раз противоречие между ними, борьба за власть погубили страну и сами боровшиеся институты вместе с нею.

Мы попрощались и расстались. Я еще довольно долго сидел на лавочке и всё яснее понимал, что к своей работе возвращаться не хочу, что анализировать «настроения, настройки и нестроения» в нашем родном обществе у меня пока еще нет желания.

Вечерело, и я отправился обратно в санаторий. Не знаю, думал ли обо мне отец Александр, а я уходил с надеждой увидится с ним еще и еще. По дороге я зашел в древний храм Успения, стоявший вне монастыря на отдельном крутом холме. Как магнитом меня влекли туда старые иконы деисусного чина.

Три доски, сплоченные воедино. Лишь на средней есть живописный слой, боковые – просто струганое дерево. Да и на серединной сохранилась лишь часть левкаса и красочного слоя – зато самая главная: лик! Светится вкруг лика золотистая охра, власы его обрамляют, как сень, мягкое тепло источают лицо и шея. И вот – глаза. Правый слегка поврежден трещинами времени, а левый цел и невредим. Смотрит Он на нас с этой доски вот уже шестьсот лет, и мы на Него столько же. И вот я всеми своими нейронами и аксонами, молекулами и атомами, электронами и лептонами, непрерывно рождающимися и исчезающими во мне и вне меня, соединяюсь со всем миром и вижу в нем свою бабушку, зимой студеной пробивающую корку замерзшего колодца, и вижу свою другую бабушку, чистящую крупную рыбину, пойманную в море, шелестящем за ее спиной, вижу своего отца в химической лаборатории, определяющего кислотность почв методом титрования, вижу мать, читающую своим сыночкам журнал «Семья и школа», вижу вице-короля Италии Евгения Богране, трепещущего перед святым Саввой, вижу Георгия Свиридова, глазами полными слез взирающего из своего окна на улицу Большая Грузинская, слышу его так и не рожденную музыку и запах цейлонской ванили, а потом все образы сливаются, и остается тихий серебристый звон-шорох и мерцание света… Я – дома, душа – дома, и дом этот цел. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго! Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою: воздеяние руку моею – жертва вечерняя».

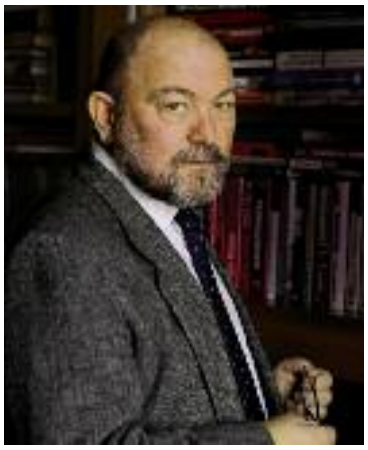
Я вижу свою бабушку, зимой студеной пробивающую корку замерзшего колодца, и вижу другую бабушку, чистящую крупную рыбину, вижу своего отца в химической лаборатории, определяющего кислотность почв методом титрования, вижу мать, читающую своим сыночкам журнал «Семья и школа», вижу Георгия Свиридова (на фото), глазами полными слез взирающего из своего окна на улицу Большая Грузинская, слышу его так и не рожденную музыку и запах цейлонской ванили, а потом все образы сливаются, и остается тихий серебристый звон-шорох и мерцание света…

клуб

Цивилизационная динамика

Экспертная сессия 18 октября 2017 года «РУССКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ»

Клуб «Цивилизационная динамика» является учебно-образовательным, исследовательским и общественно политическим проектом, призванным анализировать процессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности с цивилизационной точки зрения, для которой характерны язык ценностей, внимание к фундаментальным свойствам личности и общества, к взаимодействию традиционного и нового. Целью проекта является поиск модели развития России, отвечающей как вызовам времени, так и социально-культурным основаниям российского общества.



Сергей Николаевич Белкин – председатель клуба «Цивилизационная динамика», главный редактор альманаха «Развитие и экономика»

Этот проект стал складываться в начале года – в феврале. У его истоков стояли Валерий Николаевич Кустов – глава Группы компаний «ЭФКО» – и ваш покорный слуга.

Наш замысел состоит из нескольких направлений.

Одно из них – это сотрудничество со Школой менеджмента «Бирюч», которая прошла путь от учебной структуры подготовки управленцев для «ЭФКО» до одного из крупнейших и авторитетнейших центров, выпускающих менеджеров широкого профиля и высокого уровня. И я должен сказать, что в этой школе, в отличие от многих других, ставятся не только утилитарные задачи взращивания управленцев, но и гораздо более глубокие – подготовки человека и специалиста, способного ориентироваться в реальной жизни страны и мира. Там формируют личностей, обладающих осознанно сформированным мировоззрением. Такой подход и такие цели требуют непрерывного роста, непрерывного развития самой школы – и в этом одно из направлений реализации нашего проекта.

Второе направление – это исследовательская, аналитическая, экспертная и, можно сказать, общественно-политическая деятельность. Я имею в виду издание журнала и поддержку интернет-портала. Журнал находится в поиске – поиске самого себя, содержания, образа и всего прочего, но три номера сделаны, четвертый сейчас в работе. Интернет-портал тоже действует, он доступен по ссылке, которая находится на последней обложке журнала.

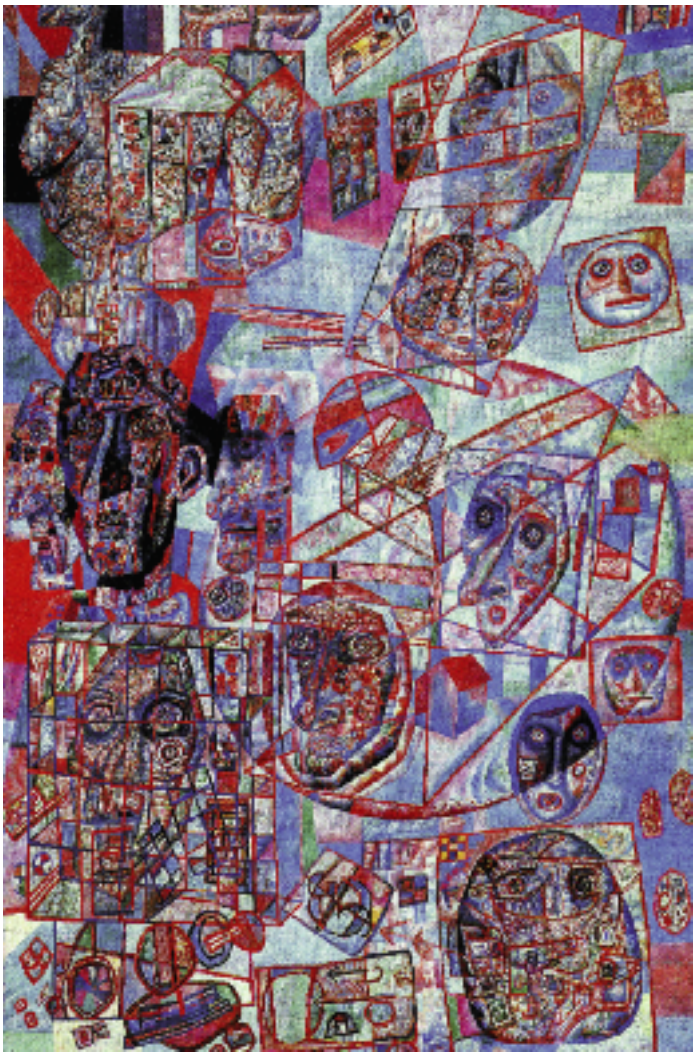
И наконец, третье направление – собственно сам клуб «Цивилизационная динамика». О содержании этого проекта, о том, каким он виделся несколько месяцев назад, я написал в первом номере журнала – изложил свое понима-

ние того, что такое цивилизационный выбор, цивилизационный подход и почему необходимо анализировать происходящие в стране и мире события именно в цивилизационном аспекте. Имеет смысл кратко повторить основные мысли того текста, особенно сосредоточившись на вопросе: почему «цивилизационная» и почему «динамика».

Цивилизационный поход – это описание общества на языке ценностей этого общества и других устойчивых качеств, политических принципов и иных основополагающих критериев, которые являются наиболее устойчивыми и даже кажутся неизменными. Но откуда же тогда динамика? Динамика возникает, например, тогда, когда происходит отказ от прежней религии и принимается религия новая. Подобное решение влечет за собой фундаментальные цивилизационные перемены, которые иногда называют цивилизационным выбором. Есть менее очевидные изменения в элементах культуры, которые происходят под влиянием самых разных факторов: от влияния новых политических идеологий до воздействия в результате развития науки и техники. Или, например, когда в стране происходит захват власти лицами, которые начинают ее рассматривать единственно как источник собственного обогащения и для успешной реализации поставленной задачи принимаются за переформатирование менталитета народа.

Словом, изменения на цивилизационном уровне, безусловно, происходят, и их необходимо вовремя замечать, оценивать и измерять, понимать их причины и прогнозировать последствия, наконец, делать вывод об их приемлемости или неприемлемости, чтобы понимать, ведут ли они к утрате цивилизационной идентичности как таковой или нет, – и либо принимать вырисовывающийся исход и соглашаться с ним, либо сопротивляться ему. Смердяков считал, что, вроде бы, хорошо, когда умная нация побеждает нацию глупую. Но сейчас смердяковы работают на высоких должностях, у них есть рычаги власти, и они пытаются всех нас переформатировать в соответствии с собственными идеалами и преставлениями о должном.

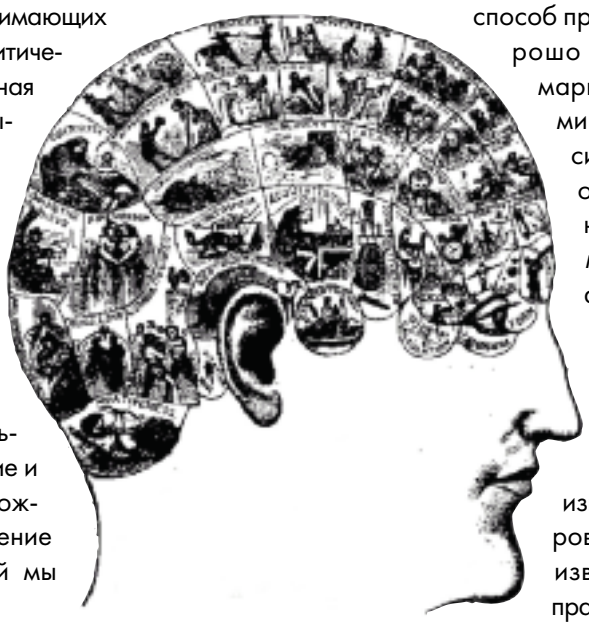
Мы хотим создать интеллектуальный центр, который объединил бы лучшие умы и силы для разработки и формирования того экспертно-аналитического продукта, который должен стать базисом жизнедеятельности государства. У нас амбициозные планы: мы хотим изменить судьбу России и даже мира в целом. Все проигрыши и неудачи нашей страны – это прежде всего интеллектуальные проигрыши и интеллектуальные неудачи. Людям даны свобода воли и интеллект. Интеллекту – как инструменту – необходимо нечто, способное направлять его, оценивать результаты его работы и делать выводы, правильно ли он работает или неправильно. Это нечто – совесть, или этическая система. А значит, все проигрыши и неудачи нашей страны – это не только интеллектуальные, но и этические проигрыши и неудачи. Осознав это, выработав соответствующие технологии, мы в нашем клубе создадим тот инструментарий, с помощью которого можно будет изменить траекторию развития страны.



Павел Филонов. Человек в мире. 1925 год

Изменения на цивилизационном уровне происходят, и их необходимо вовремя замечать, оценивать и измерять, понимать их причины и прогнозировать последствия, наконец, делать вывод об их приемлемости или неприемлемости, чтобы понимать, ведут ли они к утрате цивилизационной идентичности как таковой или нет, – и либо принимать вырисовывающийся исход и соглашаться с ним, либо сопротивляться ему

Мы начинаем не на пустом месте, потому что то, о чем я говорю, делают очень многие в разного рода интеллектуальных центрах, имеются колоссальные заделы и впечатляющие результаты, которые, однако, не удается выводить на уровень лиц, принимающих решения, навязывать политической системе. Это отдельная проблема, и мы будем пытаться ее решать.



Для того, чтобы взяться за обозначенный круг проблем, у нас – благодаря партнерству с Группой компаний «ЭФКО» – имеются все необходимые ресурсы – материальные и моральные, – налицо единодушие и единомыслие, есть возможности влиять на продвижение того продукта, который мы будем создавать.

По своей форме деятельность клуба – это работа постоянно действующих семинаров, публикация статей, подготовка обобщающих трудов, коллективных монографий, аналитических докладов и даже учебно-методических пособий. Потому что пришла пора писать учебники. Причем учебники не только для учащихся, для молодежи, но и для всего высшего управленческого слоя государства, для деятелей культуры и искусства, а также для самих учителей и профессоров. Сегодня крайне востребован междисциплинарный синтезирующий учебник, который можно было бы назвать учебником мировоззрения.

Люди действуют исходя из субъективных и не всегда осознанных мотиваций и представлений о должном, поэтому, занимаясь управлением, нельзя не учитывать индивидуальную, групповую и социальную философию

Мы начинаем эксперимент по собиранию лучших сил, способных сконцентрировать творческую мощь, волю и голос совести для создания базы тех смыслов, которые смогли бы стать основой, опорой, рычагом для выбора Россией правильного направления развития. Развитие же складывается из действий конкретных людей и в первую очередь тех, кто занят реальным производством. И тут мы уже непосредственно подходим к теме сегодняшней экспертной сессии, которая называется «Русский менеджмент».

О том, насколько удачно или неудачно слово «менеджмент» в сочетании со словом «русский», мы еще сегодня, надеюсь, поговорим. Но сразу могу сказать, что когда мы думали над формулировкой темы экспертной сессии, было найдено понятие, которое гораздо более точно, ёмко и верно очерчивает круг интересующих нас проблем. Это понятие – русский способ производства. Мы все хорошо помним концепты из марксистской политэкономии – производительные силы, производственные отношения, общественно-экономические формации, наконец, понятия азиатского, античного и иных – привязанных к определенным историческим эпохам и географическим ареалам – способов производства. Но в догматизированном марксизме производственные отношения практически целиком сводились к отношениям собственности, хотя совершенно очевидно, что производственные отношения включают в себя и психологические, и ментальные, и культурные, и религиозные, и прочие нематериальные факторы. И если воспринимать производственные отношения именно в таком – расширительном – смысле, то не распространить ли эти марксистские концепты на нашу культуру и не задаться ли вопросом: существует ли русский способ производства? Если существует, то каков он? Как он соотносится с марксистским учением о формациях? В какой мере для этого способа производства значимы мотивации и управление ими? Ричард Талер только что получил Нобелевскую премию по экономике 2017 года за «исследование поведенческой экономики», а значит, роль психологии, смыслов, целеполагания должна учитываться в гораздо большей степени, нежели это обычно делается в нашей экспертно-аналитической среде. Люди действуют исходя из субъективных и не всегда осознанных мотиваций и представлений о должном, поэтому, занимаясь управлением, нельзя не учитывать индивидуальную, групповую и социальную философию.

Итак, не будем сторониться высоких целей и уклоняться от решения сложных и вместе с тем чрезвычайно важных задач.

Вообще словосочетание «русский менеджмент» звучит как оксюморон: если «русский», то может ли это быть «менеджментом», и если «менеджмент», то правомерно ли применять к нему определение «русский»? Существует мнение, что этимологически слово «менеджмент» восходит к итальянскому глаголу maneggiare, что означает уметь управлять лошадью. Но для такого умения не требуется никаких нравственных интенций. Отсюда и цель менеджмента – это получение прибыли, эффективное распоряжение ресурсами ради получения максимального эффекта. Менеджмент стремится к минимизации издержек производства, чтобы добиться получения максимально возможной прибыли. В России же традиционно совершенно другой подход к управлению. Сами слова «управление», «править» восходят к слову «правда». Управлять – значит утверждать свою правду. Отсюда и управленческая цель в нашей культуре совершенно другая, нежели на Западе, а именно: не получение прибыли, а реализация ценностно-смысловых оснований управления. Поэтому, говоря о русской модели организации производственной жизни, необходимо разграничивать оба этих слова – «менеджмент» и «управление» (слайд 1).

Сложились два основных подхода, две основные школы менеджмента. Одна из них – точнее, целый ряд направлений, которые придерживаются одной ориентации, – исходит из аксиоматического утверждения универсальности экономических рычагов управления. На каком-то этапе возникла оппонирующая ей школа, первоначально апеллировавшая к японскому опыту, в котором большое внимание уделяется именно психологическим и культурным основаниям деловой активности. Эту школу можно назвать школой человеческих отношений. Но для русского управления совершенно не годится первый подход и явно недостаточен подход второй, поскольку он игнорирует смыслы, идеологию управления (слайд 2).

Вардан Эрнестович Багдасарян –
доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Слайд 1

Слайд 2

Сторонники менеджерской парадигмы, оценивая русскую модель управления, делают сходные выводы. Так, руководитель известного либерального мозгового треста – Института современного развития – Игорь Юргенс утверждает: «На Западе люди переселились из деревни в город уже давно, поэтому у них в сознании закрепилась индивидуальность: нужно пробиваться, надеяться на себя, развиваться, расти. Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность. Поэтому "государство всё, а мои усилия – ничего". Пускай кто-то что-то делает, борется, а у меня своих проблем хватает». Отсюда делается весьма симптоматичный вывод: «Модернизации России мешают русские – основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет». Либеральный экономист и декан экономического факультета Московского университета Александр Аузан дает более развернутую аргументацию: «Примеры успешных переходов крайне редки, чаще всего страны прыгают вверх, но затем ударяются о потолок и снова съезжают вниз. Именно это и есть "эффект колеи". И именно к такому типу стран относится Россия. <...> Все попытки перехода с низкой траектории развития на высокую в России вот уже несколько столетий неизменно срываются, и страна раз за разом возвращается к застою. Жить в стране, которая заклинивается в развитии, – очень непростая задачка. <...> Мы можем наблюдать не только колею, по которой движется Россия, но даже и точку, в которой была совершена ошибка первоначального институционального выбора, – XIV-XV века, когда начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества. <...> Первоначально Россией был сделан неправильный выбор, который породил неправильные институты. Крепостничество и самодержавие дали очень неожиданные результаты, но вместе с тем никак не отпускают нас. Они продолжают жить в призывной армии, в промышленности, применяются по отношению к гастарбайтерам и так далее. Закрепляются они культурой и воспроизводятся через культурную трансмиссию».

В концентрированном виде все эти объяснения причины якобы имманентного отставания России от Запада можно свести к трем утверждениям. Первое утверждение находится вполне в рамках теории модернизации: Россия запаздывает, и то, что происходит в России, – это болезни роста, но всё равно путь развития для всех единый. Второе утверждение делается в рамках неошумпетеровской теории: из русских институтов – как бы их ни комбинировать друг с другом – никогда ничего путного не выйдет, то есть причина в их генетическом дефекте. Третье утверждение сводится к теории институциональных изменений: из-за какой-то исторической ошибки, некогда неправильно сделанного выбора всё последующее развитие пошло неверным путем – например, из-за принятия Россией православия. Но из всех трех утверждений делается один и то же вывод: культурная спе-

Слайд 3

цификация России является препятствием для развития, и отсюда однозначно вытекает указание на необходимость ее цивилизационной самоликвидации (слайд 3).

Приходится констатировать, что в настоящее время у нас не только корпоративное, но и государственное управление в той или иной степени следует тому или другому из трех приведенных утверждений и исповедует систему представлений, которую можно назвать философией несуверенной экономики. Эта философия исходит из представления о том, что развиваться можно только на основе комплекса определенных парадигм – таких, как: рыночная экономика и свободный рынок, открытое общество и внешняя открытость, недопустимость мобилизационной экономики, преимущество частного перед государственным, страновая специализация, международное разделение труда, неэффективность монополии, конкуренция как мерило успешности и др. Эта философия неминуемо ведет к признанию не просто неизбежности, но и благотворности несуверенного положения экономики и внешнего управления ею со стороны глобальных или просто зарубежных акторов (слайд 4).

Между тем русская модель не только возможна, но неизбежна. Стоит вспомнить слова одного из авторов экономических реформ в России первой половины 1990-х Джеффри Сакса, которые он произнес спустя несколько лет после активного сотрудничества с российским правительством: «Мы положили больного (Россию. – *В.Б.*) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Что же это за такая «другая анатомия»? ➡

Слайд 4

Слайд 5

Во многие учебники по сравнительному менеджменту вошел хрестоматийный пример с американцем-работодателем и греком-работником.

Американец: «Сколько необходимо времени, чтобы закончить отчет?» При этом американец думает: «Я прошу принять участие в деле». Грек думает: «Его поведение не имеет смысла. Он – босс».

Грек: «Я не знаю, сколько у меня есть времени». Американец думает: «Он не хочет брать ответственность на себя». Грек думает: «Пусть он даст распоряжение».

Американец: «Вам лучше знать, сколько необходимо времени».

Грек отвечает: «10 дней». При этом грек думает: «Дам любой ответ, только бы отвязался». Американец думает: «Он не может правильно оценивать время, предложение неадекватно».

Американец: «Пусть будет 15 дней. Согласны? Вы сделаете это за 15 дней?» Американец думает: «Я предлагаю ему контракт». Грек думает: «Это приказ».

Грек: «Окей».

На самом деле для выполнения отчета требовалось 30 дней. Так что греку пришлось работать круглыми сутками, но к концу 15-го дня ему оставалось работы еще на один день.

Американец: «Где отчет? Американец задается вопросом: «Выполнил ли грек отчет?» Грек думает: «Он требует отчет».

Грек: «Будет завтра».

Американец: «Но мы договаривались на сегодня». Американец думает: «Я должен научить его соблюдать контракт». Грек думает: «Какой глупый и некомпетентный начальник! Отдал неверное распоряжение, так еще и не в состоянии оценить, что работу, на выполнение которой требовалось 30 дней, я выполню за 16 дней».

В итоге грек подал заявление об увольнении. Американец был удивлен таким решением. А грек говорил себе: «Я не могу работать с таким человеком».

Это – яркий пример несовместимости, нестыковки разных деловых культур, которые, в свою очередь, напрямую зависят от культур общих, цивилизационных (слайд 5).

Сошлюсь на достаточно интересное и перспективное исследование, выполненное в рамках школы Герта Хофстеде. В нем выстраивается рейтинг стран по критерию развития в них рыночных отношений. Но вместе с тем получается, что верхние позиции в этом рейтинге занимают протестантские страны, а нижние – страны православные. То есть цивилизационно-культурная ориентация страны непосредственно влияет на уровень развития в ней рыночных отношений. А значит, и менеджмент в разных по своей культурно-религиозной принадлежности странах должен быть разным, а не единственным – обязательным для всех в качестве эталона.

Слайд 6

Наглядно подтверждает неэффективность западного менеджмента для незападных стран и графическая модель ценностей и организационных мотиваторов, которая разработана школой Рональда Инглхарта. Из этой модели следует, что хотя мы и сдвинулись в последние годы в направлении Запада, всё равно – Россия движется своим путем, а значит, и управляться она должна иначе (слайд 6).

Интересно сопоставить социальную вариативность традиционного аграрного общества в Западной Европе, России и Китае. Анализ показывает, что под вывеской того, что определяется во всех случаях как община, функционируют разные социальные институты. В российском случае община-мир – это институт коллективного трудового вспомоществования с соответствующей сакрализацией самого принципа коллективности (слайд 7).

Казалось бы, когда человек высвобождается из общинных пут и становится свободным, он – если следовать концепции экономического человека – должен стремительно становиться успешным и процветающим. Но русский публицист Михаил Меньшиков, оценивая крестьянскую реформу 1861 года, утверждал обратное: «На великий акт освобождения от неволи народ <...> ответил <...> быстрым развитием пьянства <...> быстрым развитием преступности <...> быстрым развитием разврата <...> быстрым развитием безбожия и охлаждением к церкви <...> бегством из деревни в города, прельщавшие <...> притонами и кабаками <...> быстрой потерей всех дисциплин – государственной, семейной, нравственно-религиозной – и превращением в нигилиста».

То, что действенно и работает в рамках одной культуры, не всегда оказывается успешным и эффективным в рамках культуры другой. Причем под культурой в данном случае следует подразумевать не только национальные, религиозные и цивилизационные различия, но и непреодолимую пропасть между традиционным и модернизированным обществами. Макс Вебер говорил о существовании ограничителей денежной мотивации для традиционных обществ: «В ряду случаев повышение расценок ведет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. <...> Увеличение заработка привлекло его (жнеца. – *В.Б.*) меньше, чем облегчение работы; он не спрашивал, сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности? Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы →

Социальная вариативность традиционного аграрного общества (Западная Европа, Россия, Китай)

Критерии сравнения	1	2	3
Цивилизация	Западная Европа	Россия	Китай
Наименование социальной единицы	Civitas	Община	Цзя
Землевладение	Частная собственность	Фактическая общинная собственность (при юридической собственности помещика)	Распоряжение рода при собственности государства
Состав	Коллектив собственников земли	Коллектив, объединенный совместной хозяйственной деятельностью и государственным тяглом	Члены клана
Право собственности и правосознание	Частное право	Трудовое право	Родовая традиция
Управление	Группа выборных лиц	Сход	Старейшины клана
Взаимопомощь	Индивидуальные кредиты	Помочи (коллективная трудовая помощь)	Обязательное общинное кредитование
Ментальная парадигма	Индивидуализм	Коллективизм	Родовая традиция

Слайд 7

➔ именуем "традиционализмом": человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, всё больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить "производительность" труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду».

В русском корпоративном управлении ни в коем случае нельзя делать того, что, напротив,

Иерархия мотиваторов в русском менеджменте

Слайд 8

Слайд 9

сейчас делается повсеместно и воплощается в рецептуре «эффективного контракта», а именно: преимущественно мотивировать отношение работника к труду зарплатой и – как заход с противоположной стороны – штрафами. Такая «растяжка» приводит к культурной разбалансировке: руководитель лишается в глазах работника образа хозяина, происходит десакрализация отношений работника с его коллегами, которые теперь становятся конкурентами. В результате начинается латентный саботаж, происходит подавление мотиваторов общего дела.

На вершине иерархии мотиваторов в русском управлении вовсе не деньги, а потребность решения сверхзадачи. Но если главный мотиватор – решение сверхзадачи, то в соответствии с ним должна быть выстроена и вся управленческая система: мировоззрение – философия общего дела; культура – подготовка мыслителя, а не исполнителя; культура – эмоционально-психологическая мотивировка на свершения; идентификация – дихотомия «мы»–«они», образ врага, а не только конкурента; модель управления – идеократия (слайд 8).

В последние годы существования Советского Союза с участием западных социологов было проведено комплексное исследование культурного мира и мотиваций персонала предприятий оборонной промышленности. Исследование наглядно показало онтологическую чуждость советскому человеку исходных принципов отношения к труду и вознаграждению труда на Западе (слайд 9).

Всё это позволяет говорить об особом типе организации, построенной на принципах русского управления. Из распространенных в западном менеджменте моделей ни одна применительно к России не функциональна. Ближе к российским реалиям восточная модель корпорации как патриархальной семьи, но и она не соответствует в полной мере русскому типу управления. Этот тип управления выстраивается по аналогии даже не с семьей, а с церковью. Отличительная его особенность – наличие системообразующей идеи.

Специфика русского управления – в формировании у работников убежденности и ощущения сопричастности к выполнению какого-то общего дела, причем такого общего дела, которое обладает высоким морально-этическим смыслом. А значит, в пространстве русского управления нет и не может быть конкуренции как некоего универсального двигателя прогресса. Историческая, цивилизационная миссия России как раз и заключается в том, чтобы доказать всему миру возможность развития не за счет конкуренции, а благодаря солидарному труду и соответствующим – взращиваемым таким трудом – индивидуальным и коллективным качествам (слайд 10).

Слайд 10

➜ Наконец, русское управление идеократично по своей сути. Поэтому для этого типа управления чрезвычайно актуальной, острой и значимой является задача формирования такой антропологической природы, которая была бы ориентирована не на потребительские ценности, а на высокие смыслы (слайд 11).

Поэтому русская модель управления – это такой способ организации жизни – индивидуальной, общественной, государственной и цивилизационной, – который только и способен предложить действенную альтернативу западному менеджерскому подходу и в итоге дать миру перспективу достойного и солидарного развития.

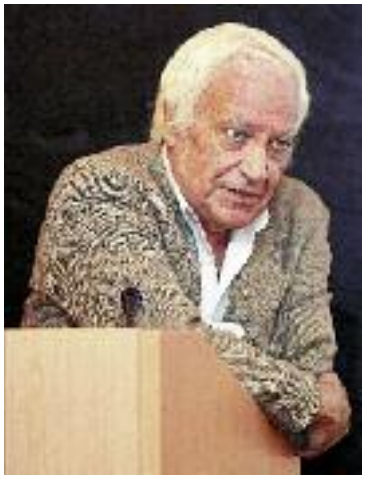
Слайд 11

Уже давно меня стал занимать вопрос относительно не то чтобы истинности, но, во всяком случае, соответствия политической экономии, ее выкладок существующей реальности. И чем больше я об этом думал, тем дальше расходились, разбегались в моем представлении друг от друга реальность и политэкономия. Я стал искать выход из этого тупикового положения. Сначала, как это обычно бывает, пытался найти выход в новой аксиоматике для политической экономии. Но из этого у меня ничего не вышло, и в конце концов я оказался за пределами сначала политической экономии, а потом – и науки как таковой, перешел, так сказать, в метанаучную сферу и обратился к философии хозяйства, причем вполне независимо от классического труда Сергея Николаевича Булгакова «Философия хозяйства» (1912 г.), тогда мне неизвестного. Было это на рубеже 1970–1980-х годов, когда Булгаков был еще мало кому известным в СССР. И когда я познакомился с этим трудом, я понял, что он не менее фундаментальный и сложный, чем «Капитал» Маркса. И вот уже несколько десятилетий я занимаюсь философией хозяйства, издаю журнал, который так и называется.

София Премудрость Божия. Около 1580 года

Эта область с полным основанием может быть названа постнаучной метафизикой, то есть областью, предполагающей безусловное существование трансцендентного, запредельного

Эта область с полным основанием может быть названа постнаучной метафизикой, то есть областью, предполагающей безусловное существование трансцендентного, запредельного. И так я постепенно – вслед за Булгаковым – подошел к необходимости постижения, насколько это вообще возможно, Софии Премудрости Божьей, к осознанию того, что София была до сотворения мира, о чем нам известно от библейского царя Соломона. То есть София была до появления этого мира – мира, в котором потом появился и человек. Я считаю себя наследником русской софийной философии, которая разрабатывалась русскими философами начала XX века. Поэтому всё остальное, чем сегодня занимается современная наука, представляется мне уже некоей частностью, причем частностью, которая даже самой наукой трактуется как частность, не слишком и соответствующая реальности. То есть научный гнозис не соответствует реальному онтосу, а онтос принципиально ненаучен, его можно схватывать только через метафизику, на высшем уровне – через софийный подход.



Юрий Михайлович Осипов – экономист, философ, писатель, доктор экономических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Подобный взгляд позволяет иметь свое собственное мировоззрение и осуществлять самостоятельный концептуальный поиск, раскрывающий неочевидные стороны реальности, трактующий реальность. Поиск не просто концептуальный, но и прогностический, управленческий – не в смысле менеджеризма, а в смысле постижения тех процессов, которые происходят в мире. Это не поиск экономической эффективности, а постижение концептуальных замыслов, которые реализует человечество. Например, концептуального замысла русской цивилизации. Ведь русская цивилизация, как матрешка, состоит из разных цивилизаций. То есть подход к России как к обычной заурядной цивилизации – недостаточный, неполный. Русская цивилизация – это мир, который существует в борьбе с анти-Россией и никак этой анти-Россией не смывается, не уничтожается. Россия всё время возрождается. Значит, у России существует некое начало, которое выходит за рамки тех представлений, которые обычно бытуют в человеческом сознании.

Напомню одно замечательное выражение, которое в Интернете приписывается Станиславу Ежи Лецу, но в реальности принадлежит Антуану де Сент-Экзюпери: «В действительности всё совсем не так, как на самом деле».

Михаил Леонидович Хазин – экономист

Как человек, который немножко разбирается в том, как устроено государственное управление, могу сказать, что все научные концепции вообще не имеют ничего общего с реальным управлением. Не то чтобы они были совсем уж неправильными, но они другие – находящиеся в перпендикулярном пространстве к тому, которое они формально должны описывать и характеризовать. Когда я работал в Министерстве экономики, то тогдашний глава этого ведомства Евгений Ясин время от времени приглашал к себе профессоров и других ученых мужей для обсуждения тех или иных острых социальных проблем. Эти профессора очень интересно высказывались, что-то говорили, что-то объясняли, какие-то концепции строили. А потом выходил один старый госплановский дедушка по фамилии Голубев – он умер, когда я уходил из министерства, – и на пальцах в течение двух минут объяснял, что на самом деле происходит в экономике. И это производило всегда неимоверно сильное впечатление на профессоров, которые – в отличие от представителей гайдаровского правительства – в общем-то не были людьми злонамеренными.

Мне было очень интересно выслушать предыдущие доклады, и я могу сказать следующее. Мы с Сергеем Ильичом Гавриленковым, который, к сожалению, вышел на пенсию и уехал из страны, разработали концепцию глобальных проектов, в которой объяснили, что любая система хозяйствования определяется базовым набором идей, по которым живет общество. Скажем, современная либеральная система хозяйствования основывается на свободе, понимаемой в качестве права любого человека выбирать себе собственную систему ценностей. Поэтому никакого коллективизма там быть не может по определению, потому что он противоречит базовому набору идей этой системы хозяйствования. Здесь в принципе не может быть объединения людей на основе общих ценностей. Это запрещено, это немедленно преследуется на проектном уровне, и такого рода объединение целенаправленно разрушается. А советская система хозяйствования основывалась на «Красном» глобальном проекте, который построен на библейской системе ценностей.

В своем последнем тексте, посвященном юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, я объясняю, что в реальности после октября 1917 года у нас началась схватка двух группировок. Одна группировка пыталась реализовать марксовскую концепцию – по определению западническую. А другая стремилась адаптировать «Красный» проект к ценностям русской цивилизации.

Современная либеральная система хозяйствования основывается на свободе, понимаемой в качестве права любого человека выбирать себе собственную систему ценностей. Поэтому никакого коллективизма там быть не может по определению, потому что он противоречит базовому набору идей этой системы хозяйствования

Илья Репин. Бурлаки на Волге. 1872-1873 годы

Победила вторая группировка, но через 20 лет очень жесткой схватки.

Если мы посмотрим на сегодняшнюю ситуацию, то увидим, что западная модель хозяйствования, соответствующая «Западному» глобальному проекту, построенная на либеральных ценностях, закончилась. Это очевидно даже по теперешнему состоянию теоретической базы западной модели – экономикс. Ведь «Красному» проекту и «Западному» проекту соответствуют две экономические науки – политэкономия и экономикс. Это разные науки, они идеологически противоречат друг другу, потому что цель экономикс – объяснение экономических процессов в рамках табуирования темы конца капитализма. По этой причине экономикс не в состоянии описать нынешний кризис, экономикс этого кризиса просто не видит. Тема фундаментальных оснований этого кризиса в экономикс табуирована изначально. Поэтому выход из кризиса возможен только после того, как сам кризис будет описан в рамках другой науки – то есть политэкономии.

Отличие капитализма от феодализма состоит в том, что при капитализме впервые в истории в систему хозяйствования в качестве одного из факторов себестоимости включили инновации. При феодализме все инновации шли из сбережений. При капитализме они уже включены в себестоимость. Покупая сегодня изделие, мы оплачиваем инновации той компании, которая нам продает это изделие. В этом смысле СССР перенял ту модель, которая была у русских старообрядцев и у первых немецких протестантских общин. Это модель солидарного способа концентрации капитала. С мира по нитке – и образуется некоторый капитал, который можно использовать для модернизации. Собственно, сила СССР и состояла в том, что он использовал всё население, до которого реально мог дотянуться, для участия в мобилизации.

СССР перенял модель, которая была у русских старообрядцев и у первых немецких протестантских общин. Это модель солидарного способа концентрации капитала. С мира по нитке – и образуется некоторый капитал, который можно использовать для модернизации. Собственно, сила СССР и состояла в том, что он использовал всё население, до которого реально мог дотянуться, для участия в мобилизации

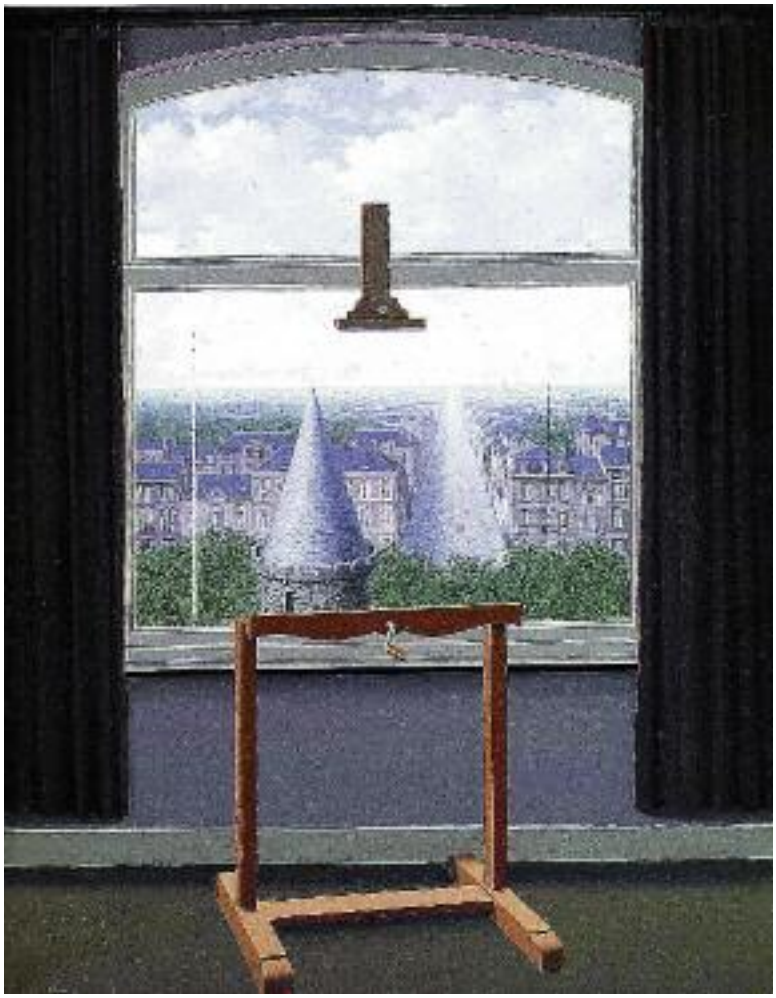
А модель хозяйствования, на которой основывается «Западный» либеральный проект, больше не работает. Ее последний рывок был в начале 1980-х, и он был связан с рейганомикой, когда перешли к стимулированию спроса через рефинансирование частного долга. Но этот механизм сломался в 2008 году. Дальше начинается эмиссия, но и эмиссия тоже заканчивается. Поэтому нужна не просто альтернативная модель, но альтернативная модель в рамках другой ценностной базы. В противном случае Запад распадется на отдельные валютные зоны, которые между собой будут сложным образом конкурировать. Исчезнет то преимущество, которое было у Запада изначально и которое было связано с тем, что там раньше начали. Да, Запад сильно вырвался вперед за счет усиленного спроса. И теперь он должен упасть. Приведу такой пример. Средняя заработная плата в Соединенных Штатах Америки сегодня по своей покупательной способности находится на уровне 1958 года. Потом она упадет в 1920-е годы. Сейчас, конечно же, состояние российской экономики намного лучше, чем было в СССР в 1920-х годах. Поэтому нам необходимо правильно выстроить новый хозяйственный механизм, разработать систему хозяйствования, основанную на библейской системе ценностей, но позволяющую осуществлять научно-технический прогресс.

Я не использую термин «менеджмент» и тем более «русский». Более богатым по содержанию является термин «управление». Я полагаю, что некорректно использование и термина «русское управление». Потому что невозможно поднять Россию автономно – ее можно поднять, поставить на новый путь развития только вместе с остальным миром. Мы не поднимем Россию, если не поднимем весь мир.

Владимир Евгеньевич Лепский – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Итак, из чего должна сегодня исходить наука управления с точки зрения философских оснований? Академик Вячеслав Стёпин предлагает классификацию этапов развития науки и типов научной рациональности. Все они между собой связаны, и каждый последующий является рамочной конструкцией по отношению к предыдущему. В этой классификации выделяются классическая, неклассическая, постнеклассическая научные рациональности. В чем суть постнеклассики? В постнеклассике введены не только внутренние механизмы и ценности развития науки, но и внешние – социальные. Субъект, ученый, исследователь оказывается фактически и управленцем. Он должен руководствоваться социальными ценностями, и этот принцип должен быть включен в интерпретацию получаемых знаний.

Рене Магритт. Прогулки Евклида. 1955 год



В своих разработках концепции управления я основываюсь на четырех взаимосвязанных базовых ценностях. Это:

- сохранение и развитие человека;
- сохранение и развитие человечества;
- сохранение и развитие биосферы;
- сохранение и развитие техносферы, в которой сегодня всё большую роль играет цифровая реальность.

Если мы хотим создать современную науку управления, то мы должны одновременно охватить все эти четыре базовые ценности и ориентироваться на их гармонию. Только на основании перечисленных ценностей мы в состоянии разработать современную кибернетику. Это социогуманитарная кибернетика третьего порядка, создаваемая в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка – Норберт Винер), к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка – Фон Ферстер) и далее к социогуманитарной кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных сред» (третьего порядка). Почему рефлексивно-активных? Потому что мы таким образом уходим от морфологии носителей различных форм активности. Важно, чтобы там были активные элементы не только естественного интеллекта, но и искусственного и между ними выстраивались бы разнообразные соорганизованности.

Мы не поднимем Россию, если не поднимем весь мир

Уточнение сходства и различия философских оснований видения кибернетики будущего на Западе и в России было проведено на мировом конгрессе WOSC2017 в январе 2017 г. в Риме и на XI международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» в октябре 2017 г. В Москве. В международном на-

учном сообществе одобрены предложенные нами идеи кибернетики третьего порядка и намечены пути дальнейшего сотрудничества. Есть основания полагать, что кибернетика третьего порядка могла бы стать локомотивом перехода к социогуманитарной цивилизации и седьмому социогуманитарному технологическому укладу.

Кибернетика третьего порядка ориентирована на преодоление бессубъектности развития. Фактически создание современной науки управления связано с переходом от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации, что предполагает формирование целей и механизмов управления с учетом указанных выше базовых ценностей. Нужно перейти от рыночного эгоизма к гармонии субъектов развития, которая будет способствовать сборке субъектов развития и преодолению бессубъектности развития.

На повестке дня отказ от техногенной возгонки технологических укладов, которые несут человечеству всё более серьезные и непреодолимые угрозы, и переход к седьмому социогуманитарному технологическому укладу в рамках социогуманитарной цивилизации. Такая стратегия позволит России выйти на передовые рубежи развития, никого не догоняя. Социогуманитарный уклад гармонизирует человечество и дает России шанс стать мировоззренческим лидером планеты. То есть для нас единственный способ оторваться вперед в своем развитии – это перейти в принципиально другой социогуманитарный технологический уклад.

Настало время формирования не только социогуманитарной кибернетики как науки, но и ориентированной на практику управления и развития области – социгуманитарной эргономики.

Указанные направления конструирования нового социогуманитарного уклада и его локомотивов – кибернетики третьего порядка и социогуманитарной эргономики – согласуются с четко проявляющимися в настоящее время социогуманитарными трендами в проблематике управления, в частности:

- тренд философский – переход от позитивизма к философскому конструктивизму в его гуманистической трактовке;

Социогуманитарная кибернетика третьего порядка создается в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка), к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка) и далее к социогуманитарной кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных сред» (третьего порядка)

- тренды базовых научных подходов (деятельностный, субъектно-деятельностный, субъектно-ориентированный);
- тренды базовых видов активности (деятельностный, коммуникативный, рефлексивный);
- тренд механизмов интеграций знаний (монодисциплинарный, междисциплинарный, трансдисциплинарный);
- тренд видов управления (классический, рефлексивный, через полисубъектные среды);
- тренд механизмов управления (иерархии, сети, среды);
- тренд этических регуляторов (этика целей в классической науке, коммуникативная этика, этика стратегических субъектов, которые регулируют свою деятельность с учетом интересов целого).

Изложенные идеи в основном родились в 1980-е годы, когда я занимался автоматизацией управления страной, отвечал за человеческий фактор. Сегодня же наступило время их философского осмысления, развития и продвижения в практику.

Фото: Анна Молянова и Ирина Шымчак

«Турандот»

Опера в трех действиях на музыку Джакомо Пуччини

Премьера 28 января 2017 года

«Геликон-опера»

Либретто – Джузеппе Адами и Ренато Симони
Режиссер-постановщик – Дмитрий Бертман
Дирижер-постановщик – Владимир Федосеев

«Премьера подготовлена в рамках крупнейшего за всю историю театра интернационального проекта “Евразийская опера”. В проекте участвовала международная команда: художник-постановщик – известный сценограф Камелия Куу, над светом работает американец Томас Хазе, оформивший множество постановок в оперных театрах Европы и Америки, а также мюзиклов на Бродвее».

Пресс-релиз театра «Геликон-опера»

«В конце жизни Джакомо Пуччини, профессионал из профессионалов, наступил на грабли собственного таланта – подходя к завершению оперы “Турандот”, он написал сцену смерти бедняжки Лиу так жалостливо и трогательно, что под вопросом оказался финал: как вообще может принц Калаф продолжать добиваться любви жестокой Турандот, из-за которой и свела счеты с жизнью ни в чем не повинная рабыня? Виноват ли в том возникший творческий затык или просто судьба, но Пуччини финала так и не написал. Оперу ставят с финалом Франко Альфано, есть и альтернативные финалы, а в “Геликоне” решили финал вообще не петь».

Петр Поспелов

«Точка пересечения 2017. Четыре хореографические истории»

Премьера 10 марта 2017 года

Московский академический музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко (МАМТ)

«Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко продолжает проект “Точка пересечения”. Двадцатиминутный сюжетный балет, минимальный бюджет и никаких творческих ограничений – таковы были заданные условия. <…> В сезоне 2016/2017 участниками проекта стали четверо молодых хореографов: Эяль Дадон (“То, да не то”), Дастин Кляйн (“X2”), Дмитрий Хамзин (“Железный занавес”) и Эно Печи (“Дежавю”)».

Пресс-релиз МАМТ

В «Травиате» Джузеппе Верди прозвучали голоса Сони Йончевой, Пласидо Доминго, Томаса Хэмпсона и др., дирижер – Никола Луизотти

Metropolitan Opera (Нью-Йорк)

Сезон 2016/2017 в нью-йоркской «Метрополитен-опера», как и всегда, радует великими именами – и прошлого, и настоящего. Из 26 опер, включенных в репертуар сезона, начавшегося в сентябре 2016 года, зрители уже увидели и услышали такие шедевры, как «Тристан и Изольда», «Богема», «Дон Жуан», «Итальянка в Алжире», «Вильгельм Телль», «Аида», «Манон Леско», «Набукко», «Саломея», «Волшебная флейта», «Ромео и Джульетта», «Севильский цирюльник», «Кармен», «Риголетто», «Русалка», «Пуритане», «Вертер» и др. Роли исполняли как мировые звезды – Анна Нетребко, Рене Флеминг, Людмила Монастырская, Екатерина Губанова, Соня Йончева, Кристина Ополайс, Диана Дамрау, Красимира Стоянова, Пласидо Доминго, Рамон Варгас, Роландо Виланзон, Петр Бечала, Витторио Григоло, Рене Папе, Томас Хэмпсон, Ильдар Абдразаков и др. знаменитости, – так и начинающие исполнители.

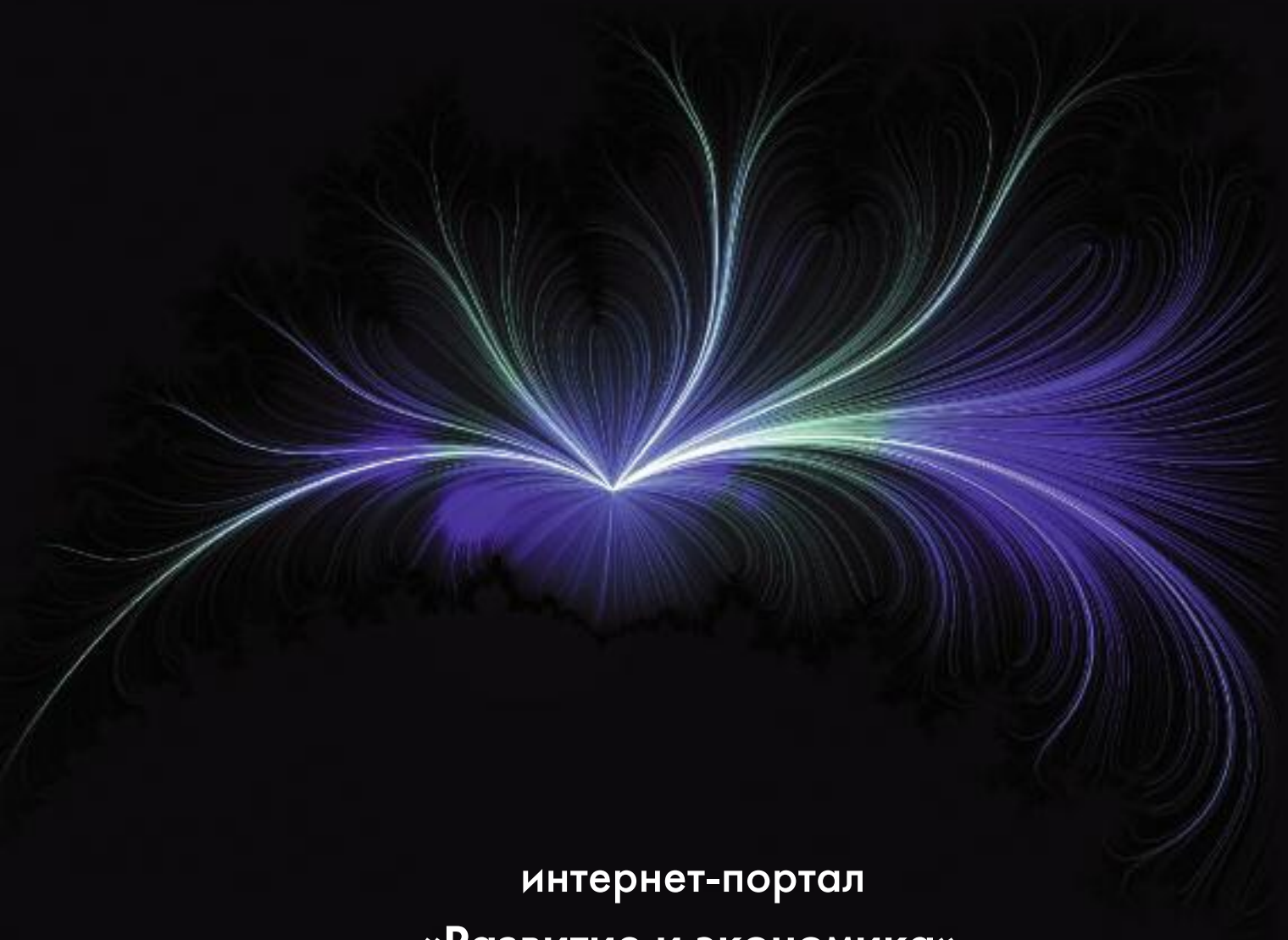
В завершение второй половины этого сезона, с марта по май, на сцене «Метрополитен-опера» новые премьеры: «Травиата», «Фиделио», «Идоменей», «Кавалер розы», «Летучий голландец», «Сирано де Бержерак» и «Евгений Онегин».

В «Ромео и Джульетте» Шарля Гуно зрители были заворожены блистательным дуэтом Дианы Дамрау и Витторио Григоло. Дирижеры – Джанандре а Носеда / Эммануэль Виллаум

«Кавалер розы» Рихарда Штрауса в новом оперном сезоне исполнил звездный состав: Рене Флеминг, Элина Гаранча, Гюнтер Гройсбок. Дирижер – Себастьян Вейгель

В «Евгении Онегине» П.И. Чайковского роли исполняют: Анна Нетребко – Татьяна, Елена Максимова – Ольга, Мариуш Квечень / Питер Маттеи – Онегин, Алексей Долгов – Ленский. Дирижер – Робин Тиччати

www.devec.ru



интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.)